БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ
ЗЕМЛЯ,
о которую
мы разбились
18+
Иногда твое сердце требует вечности.
Но у тебя есть лишь секунды.
Здесь и сейчас.

Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза

Бриттани Ш. Черри

Земля, о которую мы разбились

«Эксмо»
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Черри Б.

Земля, о которую мы разбились / Б. Черри — «Эксмо», 2017 — (Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза)

ISBN 978-5-04-112629-2

Мы с Грэмом не были созданы друг для друга. Я заполняла собой все вокруг: взбалмошная, непредсказуемая, страстная. Он был холоден и сдержан. Может быть, мы и правда были случайностью, нелепой ошибкой. Мы не должны были влюбляться в друг друга, и все же казалось, что гравитация притягивает нас все ближе. Мое сердце шептало, что я буду любить его вечно, а мой разум – что у меня есть всего несколько мгновений и я должна насладиться каждым из них. Интуиция же подсказывала: отпусти его. В свой последний поцелуй он вложил свое «прощай», а я – свое «навеки». Но если бы у меня был шанс упасть снова, я бы упала с ним навсегда. Даже если бы нам суждено было вместе разбиться о землю.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112629-2

© Черри Б., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог 6
Глава 1 14
Глава 2 19
Глава 3 31
Глава 4 37
Глава 5 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Бриттани Черри
Земля, о которую мы разбились

Brittainy C. Cherry
The Gravity of Us

© 2017. The Gravity of Us by Brittainy C. Cherry
© Артемова М., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Во имя любви и всей сердечной боли, что наполняет ее такой горечью.

Во имя любви и каждого сердцебиения, что делает ее такой сладкой.

Пролог

Люси

2015

Пять лет назад, незадолго до своей смерти, мама оставила три подарка для нас с сестрами. На крыльце моей сестры Мари появилось деревянное кресло-качалка. Она получила это кресло потому, что маму всегда беспокоила ее тревожность. Мари была средним ребенком и постоянно чувствовала себя так, словно она что-то упускает. Из-за этого она проводила большую часть жизни в каком-то странном трансе. «Девочка моя, если ты не перестанешь зацикливаться на всем подряд, у тебя голова взорвется», – говорила ей мама. Кресло-качалка напоминало Мари о том, что стоит расслабиться и насладиться жизнью, вместо того чтобы позволить ей пролететь мимо.

Наша старшая сестра Лирика получила маленькую музыкальную шкатулку с танцующей балериной. Когда мы были детьми, Лирика мечтала стать танцовщицей, но с годами забросила эту идею. Всю свою жизнь мама оставалась маленькой дикаркой, и, глядя на нее, Лирика начала презирать саму идею карьеры, построенной на любимом занятии. Мама занималась только тем, что ей нравилось, и мы никогда не знали, будет ли у нас еда к завтрашнему ужину. Когда срок аренды жилья подходил к концу, мы собирали вещи, готовясь к следующему приключению.

Мама с Лирикой постоянно ругались. Мне всегда казалось, что моя старшая сестра чувствовала ответственность за всю семью, и ей приходилось играть роль родителя для собственной матери. Мы с Мари были молоды и свободны. Нам нравились приключения, но Лирика их ненавидела. Ее свобода превратилась в запертую клетку. Как только подвернулась подходящая возможность, Лирика покинула нас, чтобы стать важным адвокатом. Я так и не узнала, что случилось с музыкальной шкатулкой, но я надеялась, что Лирика ее сохранила. «*Никогда не прекращай танцевать, Лирика*, – говорила ей мама. – *Никогда не прекращай танцевать*».

Моим подарком стало мамино сердце.

Это был маленький камушек в форме сердца, который она носила на шее с подросткового возраста, и для меня было большой честью его получить. «Это сердце нашей семьи», – сказала она мне. «От одной дикарки – к другой. Никогда не забывай, что любить нужно всем сердцем, Люсиль. Я хочу, чтобы ты объединяла эту семью и всегда поддерживала своих сестер в трудные времена. Ты станешь их силой. Я уверена, что так и будет, ведь ты всегда проявляла свою любовь так громко и открыто. Даже самая темная душа найдет свет в твоей улыбке. Ты защитишь эту семью, Люси. Я верю в тебя и поэтому не боюсь прощаться».

С тех пор я никогда не снимала ее кулон. С тех пор как мама умерла, прошли годы, но в тот летний вечер я крепко сжимала камушек в виде сердца в своей ладони, глядя на кресло-качалку сестры. Смерть мамы потрясла Мари до глубины души, и все уроки о духовности и свободе стали казаться жестокой ложью.

– Она была слишком молода, – сказала Мари в тот вечер. Моя сестра верила, что у нас в запасе еще целая вечность. – Это нечестно.

Мне было всего восемнадцать лет, а Мари – двадцать. Тогда нам казалось, что у нас украли солнце, и мы не знали, как двигаться дальше в полной темноте.

– *Мактуб*, – прошептала я, прижимая ее к себе. Это слово было вытатуировано на наших запястьях. Оно означало «так предначертано». У каждого события в жизни есть своя причина, и все происходит так, как должно, даже если это приносит нам боль. Иногда любовь длится

вечность, а иногда вспыхивает лишь на мгновение. Мари забыла, что любовь между матерью и дочерью никогда не исчезнет, сколько бы времени ни прошло.

Смерть не могла разрушить эту любовь, но после маминых похорон Мари позабыла о своей свободолюбивой натуре, встретила парня и осела в городке Уоватосе в Висконсине. И все ради любви.

Любовь.

Чувство, которое заставляет взлетать и падать. Чувство, которое зажигает людей и сжигает их сердца. Начало и конец каждого путешествия.

Переезжая к Мари и ее мужу Паркеру, я знала, что это ненадолго, но я была совершенно сбита с толку, когда застала его возле дома тем августовским вечером. В летнем воздухе веяло осенним холодком, притаившимся в тенях. Паркер не слышал, как я подошла: он был слишком занят, забрасывая свои сумки в багажник серого седана.

В его плотно стиснутых губах были зажаты две зубочистки, темно-голубой дизайнерский пиджак плотно прилегал к его телу, а из нагрудного кармана торчал сложенный носовой платок. Я была уверена, что когда-нибудь Паркера похоронят со всеми его носовыми платками, как фараона. Он был ими просто одержим, так же как и носками. Я никогда не видела, чтобы человек постоянно отглаживал свои носки и платки, пока не встретила Паркера Ли. Он говорил, что это абсолютно нормально, но, похоже, его определение нормальности отличалось от моего.

Например, я считала обычной практикой есть пиццу пять дней в неделю, в то время как Паркер видел в таком питании лишь ненужные углеводы. Мне стоило бы обратить на это внимание еще в самом начале нашего знакомства. Все в его поведении и внешнем виде говорило о том, что мы не подружимся. Встреча с человеком, который не любил пиццу и с презрением смотрел на пижаму в воскресный вечер, явно не была предначертана мне судьбой.

Он наклонился к багажнику и начал перекладывать чемоданы, чтобы освободить немного места.

– Что ты делаешь? – спросила я.

Звук моего голоса застал его врасплох, и он подпрыгнул на несколько дюймов, ударившись головой о крышку багажника.

– Черт! – Паркер выпрямился и потер затылок. – Господи, Люси. Я тебя не заметил, – он запустил пальцы в свои пепельно-русые волосы, а затем спрятал руки в карманы брюк. – Я думал, ты на работе.

– Отец мальчишек рано вернулся домой, – сказала я, имея в виду свою работу няни, и уставилась на багажник его машины. – У тебя что, рабочая конференция? Мог бы мне позвонить, и я бы вернулась к…

– Значит, ты не получишь оплату за сегодняшний день? – перебил он, очевидно не дождавшись ответа на мой вопрос. – И как ты собираешься помогать со счетами? Почему ты не взяла больше смен в кафе? – Под палящим летним солнцем по его лбу стекали капли пота.

– Я уволилась из кафе несколько недель назад, Паркер. Там слишком мало платили. К тому же я подумала, что, раз ты работаешь, я бы могла больше помогать здесь.

– Во имя всего святого, Люси. Это так на тебя похоже. Как можно быть такой безответственной? Особенно учитывая сложившуюся ситуацию. – Он начал раздраженно расхаживать из стороны в сторону, не прекращая ныть себе под нос. С каждой секундой его поведение смущало меня все больше и больше.

– О какой именно ситуации ты говоришь? – я сделала шаг к нему. – Куда ты собрался, Паркер?

Он замер и посмотрел на меня тяжелым взглядом. Что-то в нем изменилось. Его злость сменилась плохо скрываемым раскаянием.

– Мне очень жаль.

– Жаль? – у меня перехватило дыхание. – Почему?

Я не знала почему, но все в моей груди сжалось под напором нахлынувших эмоций. Уже тогда я чувствовала, что его ответ не принесет ничего хорошего. Мое сердце было готово разбиться.

– Я больше не могу, Люси. Я просто не могу.

От того, как эти слова обожгли его губы, у меня по коже побежали мурашки.

В голосе Паркера слышалось сожаление, но сумки в его машине говорили о том, что, даже несмотря на угрызения совести, он не отступится от своего решения. В своих мыслях он был уже далеко отсюда.

– Ей становится лучше, – сказала я дрожащим от волнения голосом.

– Это слишком тяжело. Я не могу… она… – Он вздохнул и прижал ладонь к виску. – Я не могу остаться и смотреть, как она умирает.

– Тогда останься, чтобы увидеть, как она выживет.

– Я не могу спать. Я не ел несколько дней. Мой босс пристально следит за моей работой, потому что отстаю от коллег, и я не могу потерять эту должность, особенно учитывая медицинские расходы. Я упорно трудился, чтобы получить все, что у меня есть, и я не хочу это потерять. Я больше не могу жертвовать своей жизнью. Я устал, Люси.

Я устал, Люси.

Как он посмел произнести эти слова? Как он посмел утверждать, что устал, как будто это он ведет самую тяжелую битву в своей жизни?

– Мы все устали, Паркер. Мы все через это проходим. Я переехала к вам, чтобы присматривать за ней, чтобы облегчить твою ношу, а теперь ты просто сдаешься? Хочешь бросить ее и разрушить ваш брак?

Он ничего не ответил. В моем сердце что-то надломилось.

– Она знает? Ты сказал ей, что уходишь?

– Нет. – Он смущенно покачал головой. – Она не знает. Я решил, что так будет легче. Не хочу, чтобы она волновалась.

Я фыркнула, пораженная не только этой возмутительной ложью, но и его верой в собственные слова.

– Прости. Я оставил немного денег в прихожей. Я буду звонить, чтобы узнать о ее самочувствии. Я даже буду отправлять вам деньги, если понадобится.

– Мне не нужны твои деньги, – холодно отрезала я, игнорируя его жалостливое выражение. – Нам ничего от тебя не нужно.

Он открыл было рот, чтобы заговорить, но быстро закрыл его, не в силах произнести ни одной фразы, которая могла бы хоть как-то облегчить ситуацию. Я следила за каждым его шагом, пока он не добрался до водительской двери, и в этот момент я позвала его по имени. Он не повернулся ко мне, но я знала, что он напряженно ждет моих следующих слов.

– Если сейчас ты уйдешь от моей сестры, то больше никогда не сможешь вернуться. Ты не сможешь позвонить ей, когда напьешься или когда тебе станет грустно. Когда она победит этот рак – а она *победит*, можешь не сомневаться, – ты не сможешь вернуться, притворившись, что все еще ее любишь. Ты это осознаешь?

– Да.

Именно это слово сорвалось с его губ, когда он пообещал Мари, что будет с ней в болезни и в здравии. Теперь он навсегда запятнал эту светлую клятву агонией и грязной ложью.

Он сел в машину и уехал, даже не притормозив. Я задержалась на подъездной дорожке, не зная, как войти внутрь и сказать сестре, что ее муж бросил ее во время шторма.

В моем сердце появилась еще одна трещина. Оно разбивалось из-за моей сестры – самой невинной души в этом жестоком мире. Она подавила свою свободолюбивую натуру, чтобы вписаться в привычные общественные рамки, но оба мира обернулись против нее.

Я сделала глубокий вдох и сжала в ладони свой кулон в виде сердца.

Мактуб.

Я не стала убегать, как Паркер. Вместо этого я пошла к Мари. Она отдыхала, лежа в своей постели. Я улыбнулась ей, и сестра улыбнулась мне в ответ. Она была такой тощей: каждый день ее тело напрягалось изо всех сил, чтобы бороться с недугом. Ее голова была обмотана шарфом, а от длинных темных волос остались лишь воспоминания. Иногда она грустила, увидев свое отражение в зеркале, но она не видела того, что видела я. Она была так прекрасна даже в болезни. Никакие внешние изменения не могли скрыть ее сияния, потому что красота Мари проистекала из ее души, где обитали только добро и свет.

Я знала, что с ней все будет в порядке, потому что она была бойцом.

Волосы постепенно отрастали, кости вновь обрели силу, а сердце моей сестры все еще билось – и это было достаточным поводом для того, чтобы каждый день становился праздником.

– Привет, Горошинка, – прошептала я, заползая в ее кровать. Я легла к ней лицом, и она повернулась на бок. Даже будучи совсем ослабшей, Мари всегда находила повод улыбнуться.

– Привет, Стручок.

– Мне кое-что нужно тебе сказать.

Она зажмурилась.

– Он ушел.

– Ты знала?

– Он начал собирать вещи, когда думал, что я сплю. – По ее щекам потекли слезы, но она так и не открыла глаз. Какое-то время мы просто лежали в тишине. Ее печаль превратилась в мои слезы, а ее слезы выражали мою печаль.

– Думаешь, он будет по мне скучать, когда я умру? – спросила Мари. Каждый раз, когда она говорила о смерти, мне хотелось проклинать вселенную за то, что она причиняет боль моей лучшей подруге. Моей семье.

– Не говори так, – строго сказала я.

– И все же он будет скучать? – Она открыла глаза, потянулась ко мне и сжала мои руки. – Помнишь, когда мы были детьми, мне приснился ужасный сон, в котором умерла мама? Я проплакала весь день, и она устроила нам целую лекцию о смерти. Помнишь, как она сказала, что смерть – это не конец?

Я кивнула.

– Да, она сказала, что мы все равно будем видеть ее: в лучах солнца, в тенях, в цветах и дожде. Она сказала, что смерть не убивает нас, а лишь пробуждает для чего-то большего.

– Ты когда-нибудь ее видела? – прошептала Мари.

– Да, я вижу ее во всем. Абсолютно во всем.

Она всхлипнула и кивнула.

– Я тоже. Но больше всего я вижу ее в тебе.

Это были самые добрые слова, что я когда-либо слышала. Я скучала по маме каждую секунду каждого дня, и Мари даже не подозревала, как много значило ее признание. Я придвинулась к сестре и крепко ее обняла.

– Он будет скучать по тебе. Он будет скучать по тебе, пока ты жива и здорова, и он будет скучать по тебе, когда ты станешь частью деревьев. Он будет скучать по тебе завтра, и он будет скучать по тебе, когда ты станешь ветром, коснувшимся его плеча. Мир будет скучать по тебе, Мари, даже несмотря на то, что ты проживешь еще много лет. Как только тебе станет лучше, мы откроем наш цветочный магазин, хорошо? Мы обязательно это сделаем.

С самого раннего детства мы с сестрой были влюблены в природу. Мы всегда мечтали открыть цветочный магазин и даже посещали Школу цветочного дизайна в городе Милуоки. Каждая из нас получила ученую степень в области бизнеса, так что мы обладали всеми необхо-

димыми знаниями. Если бы не рак, у нас был бы свой магазин. Поэтому я планировала сделать все, что в моих силах, чтобы осуществить эту мечту, как только болезнь останется позади.

– Хорошо, Мари? Мы обязательно это сделаем, – повторила я, надеясь, что это прозвучит более убедительно и Мари почувствует себя лучше.

– Хорошо, – сказала она, но в ее голосе звучало сомнение. Ее трогательные карие глаза, так похожие на мамины, были полны глубочайшей печали.

– Тебе принести банку? И мешок с монетами?

Я вздохнула, но все же поспешила в гостиную, где накануне вечером мы оставили банку и пакет с мелочью. Прозрачная банка, обернутая розовой и черной лентами, почти заполнилась монетами. Мы придумали это семь месяцев назад, когда Мари поставили диагноз. На боку банки были написаны буквы «НМ», что означало «негативные мысли». Всякий раз, когда у кого-то из нас в голове проносились плохие мысли, мы клали туда монетку. Каждая негативная мысль вела к прекрасному результату – поездке в Европу. Я была уверена, что, как только Мари станет лучше, мы используем эти деньги, чтобы отправиться в путешествие и воплотить в жизнь еще одну мечту.

На каждую негативную мысль у нас была монетка, напоминающая о лучшем будущем.

У нас было уже восемь полных банок.

Я села на кровать, и она приподнялась на подушках, хватая мешочек с мелочью.

– Стручок? – прошептала она.

– Да, Горошинка?

Слезы текли по ее щекам все быстрее и быстрее, сотрясая ее исхудавшее тело нахлынувшими эмоциями.

– Нам понадобится гораздо больше мелочи.

Мари высыпала все монеты в банку, и как только она закончила, я обхватила ее руками, словно боялась, что она распадется на части. Они прожили в счастливом браке пять лет, но Паркеру было достаточно всего семи месяцев, чтобы сбежать, оставив мою сестру справляться с болезнью и разбитым сердцем.

* * *

– Люси?

Сидя на крыльце дома, я услышала, как кто-то зовет меня по имени. Пока Мари отдыхала, я сидела здесь, в кресле-качалке, изо всех сил стараясь понять, как все это могло произойти. Подняв глаза, я увидела Ричарда – моего парня. Он поспешно спрыгнул с велосипеда и направился ко мне.

– Что произошло? Я получил твое сообщение. – Рубашка Ричарда, как и всегда, была покрыта пятнами краски, потому что он был художником. – Прости, что не отвечал на твои звонки. Я выключил звук, потому что запивал свою печаль по поводу отказа очередной художественной галереи.

Он подошел и поцеловал меня в лоб.

– Что случилось? – снова спросил он.

– Паркер ушел.

Едва заслышав эти слова, Ричард удивленно раскрыл рот. Я рассказала ему обо всем, что произошло пару часов назад, и чем больше я говорила, тем чаще с его губ срывались громкие восклицания.

– Ты шутишь? Мари в порядке?

Я покачала головой: конечно же, она была не в порядке.

– Пойдем в дом, – сказал он, протягивая мне руку, но я отказалась.

– Мне нужно позвонить Лирике. Я уже давно пытаюсь до нее дозвониться, но она не отвечает. Хочу попробовать еще раз. Можешь проверить, как там Мари, и узнать, не нужно ли ей чего-нибудь?

Он кивнул.

– Конечно.

Я подалась вперед и стерла со щеки Ричарда желтую краску, а затем поцеловала его.

– Мне жаль, что тебе отказали в галерее.

Ричард поморщился и пожал плечами.

– Все в порядке. Пока ты не против встречаться с неудачником, который недостаточно хорош для того, чтобы его работы попали на выставку, я не отчаиваюсь.

Я была с Ричардом уже три года и не представляла, что могла бы встречаться с кем-то еще. Меня ужасно злило, что мир не дает ему шанса проявить себя, ведь он был достоин успеха, как никто другой. Как бы то ни было, я всегда буду стоять рядом с ним и верить в его талант.

Когда он вошел в дом, я еще раз набрала номер Лирики.

– Алло?

– Наконец-то. – Услышав ее голос впервые за очень долгое время, я вздохнула и выпрямила спину. – Я весь день пыталась до тебя дозвониться.

– Ну, не каждый может быть миссис Даутфайр и работать в кофейне несколько часов в день, Люси, – сказала Лирика с явным сарказмом в голосе.

– Теперь я работаю только няней. Я ушла из кофейни.

– Кто бы мог подумать, – ответила она. – Послушай, тебе что-то нужно или ты просто не знаешь, чем себя занять, и поэтому решила замучить меня звонками?

Она говорила со мной тем же тоном, что я слышала всю свою жизнь: в нем читалось полное разочарование в моем существовании. Лирика научилась мириться с причудами Мари, особенно с тех пор, как та окончательно съехалась с Паркером. В конце концов, именно Лирика познакомила их друг с другом. Когда дело касалось моих отношений со старшей сестрой, все было совершенно наоборот. Казалось, она ненавидит меня из-за того, что я слишком напоминаю маму.

Но со временем я поняла, что она ненавидит меня потому, что я всего лишь была самой собой.

– Да нет. Я звоню из-за Мари.

– С ней все в порядке? – спросила Лирика с фальшивой заботой. Я слышала, как она все еще печатает на своем компьютере. Наверняка снова осталась работать допоздна. – Она ведь не..?

– Умерла? – фыркнула я. – Нет, но Паркер уехал сегодня вечером.

– Уехал? О чем ты говоришь?

– Просто уехал. Он собрал вещи, сказал, что не может смотреть, как она умирает, и уехал в закат. Он бросил ее одну.

– Боже мой. Это же просто безумие.

– Да, я согласна.

На несколько минут между нами повисла тишина, и я молча слушала, как она печатает на клавиатуре.

– Ты его чем-то взбесила? – наконец спросила она.

Я перестала раскачиваться в кресле.

– Что?

– Да ладно тебе, Люси. Конечно, ты переехала к ним, чтобы помогать, но я знаю, что жить с тобой не так-то просто. С тобой очень трудно справиться.

Она каким-то образом умудрилась сделать то, что делала всегда: выставила меня главным злодеем. Она обвинила меня в том, что этот трус бросил свою больную жену.

Тяжело сглотнув, я проигнорировала ее замечание.

– Я просто хотела, чтобы ты была в курсе происходящего, вот и все.

– С Паркером все в порядке?

Что?

– Может, ты хотела спросить, в порядке ли Мари? Потому что это не так. Она больна раком, ее только что бросил муж, и у нее нет ни цента за душой, не говоря уже о желании бороться за жизнь.

– А, вот и оно, – пробормотала Лирика. – В этом все дело. Ты звонишь мне из-за денег. Сколько тебе нужно?

От ее слов у меня свело желудок, а на языке появился отвратительный привкус. Она подумала, что я звоню из-за денег?

– Я звоню тебе, потому что твоей сестре больно и она чувствует себя одинокой. Я подумала, что ты захочешь навестить ее и убедиться, что с ней все в порядке. Мне не нужны твои деньги, Лирика. Я хочу, чтобы ты вспомнила о том, что ты наша чертова *сестра*.

Прошла еще одна минута молчания, за которой вновь последовал стук клавиатуры.

– Послушай, я по горло завалена работой. У меня на подходе несколько новых дел, и сейчас я не могу их бросить. Я никак не смогу навестить ее раньше чем через пару недель.

Лирика жила в центре города, всего в двадцати минутах езды, но все равно была уверена, что это слишком далеко.

– Не забивай себе голову. Просто притворимся, что я не звонила. – Никогда не думала, что та, в ком я всегда видела пример для подражания, может быть такой холодной, и мои глаза наполнились слезами. ДНК говорила, что Лирика – моя сестра, но она вела себя как незнакомка.

– Прекрати, Люси. Хватит быть такой пассивно-агрессивной. Завтра я пришлю вам чек, хорошо?

– Не нужно. Нам не нужны твои деньги и твоя поддержка. Я даже не знаю, зачем тебе позвонила. Просто отметь это как очередную глупость с моей стороны. Всего хорошего, Лирика. Удачи с твоими делами.

– Да, хорошо. Люси?

– Да?

– На твоем месте я бы поспешила вернуться на работу в кофейню.

* * *

Через некоторое время я встала с кресла-качалки и направилась в гостевую комнату, где я остановилась. Закрыв дверь, я сжала ожерелье в кулаке и закрыла глаза.

– Воздух надо мной, земля подо мной, огонь внутри меня, вода вокруг меня… – глубоко дыша, я повторяла слова, которым научила меня мама. Всякий раз, когда она теряла жизненное равновесие и чувствовала, что почва уходит у нее из-под ног, она повторяла эту песнь, обретая внутреннюю силу.

Но даже повторив эти слова, я чувствовала себя неудачницей.

Мои плечи упали вниз, и по щекам побежали слезы. Тогда я обратилась к единственной женщине, которая когда-либо меня понимала:

– Мама, мне страшно, и я ненавижу это ощущение. Я ненавижу свой страх, потому что это значит, что я отчасти понимаю Паркера. Какая-то часть меня чувствует, что у нее не получится, и каждый вечер я с ужасом ожидаю, что принесет новый день.

Я видела, как моя лучшая подруга распадается на части, и это разбивало мне сердце. И хотя я знала, что смерть – это всего лишь новая глава в ее прекрасных мемуарах, но от

этого мне не становилось легче. В глубине души я понимала, что каждое объятие может стать последним и каждое слово может оказаться прощальным.

– Мне стыдно, потому что на каждую хорошую мысль в моей голове приходится пять плохих. У меня в шкафу стоят пятнадцать полных банок с монетами, о которых Мари не знает. Я очень устала, но мне стыдно, что я не могу собраться с силами. Мне нужно быть стойкой, потому что иначе я не смогу ей помочь. Я знаю, что ты призывала нас отказаться от ненависти, но я просто ненавижу Паркера. Не дай бог, но если это последние дни Мари, то я ненавижу его за то, что он их испортил. Ее последним воспоминанием не должно быть то, как ее муж поворачивается спиной и уходит от нее.

Было ужасно несправедливо, что Паркер мог собрать свои вещи и просто сбежать в новую жизнь без моей сестры. Возможно, когда-нибудь он снова найдет свою любовь, но как насчет Мари? Он станет любовью всей ее жизни, и это ранило меня сильнее, чем она могла бы подумать. Я знала свою сестру как свои пять пальцев, знала, какое у нее нежное сердце. Она ощущала боль в десять раз сильнее, чем большинство людей. Ее сердце было открытой книгой, и она позволяла всем слушать его прекрасное сердцебиение – даже тем, кто не заслуживал слышать эти звуки. Она надеялась, что люди смогут это оценить. Мари всегда хотела чувствовать себя любимой, и я ненавидела Паркера за то, что он смешал ее главное стремление с грязью. Она покинет этот мир, чувствуя, что каким-то образом разрушила свой брак, и все во имя любви.

Любовь.

Чувство, которое заставляет взлетать и падать. Чувство, которое зажигает людей и сжигает их сердца. Начало и конец каждого путешествия.

Шли дни, месяцы и годы. Мы с Мари все реже и реже получали звонки от Паркера и Лирики. Жалостливые попытки нанести визит сошли на нет, а на почту перестали приходить чеки, вызванные чувством вины. Когда нам принесли бумаги о разводе, Мари плакала неделями. Я изо всех сил поддерживала ее при свете дня, а по ночам сама рыдала в подушку.

Было несправедливо, что мир забрал здоровье Мари, а затем имел наглость разбить ее сердце на триллион осколков. С каждым вдохом она проклинала свое тело за то, что оно предало ее и разрушило жизнь, которую она построила. С каждым выдохом она молилась, чтобы ее муж вернулся домой.

Я никогда не говорила ей об этом, но с каждым вдохом я умоляла об ее исцелении и с каждым выдохом я молилась о том, чтобы ее муж никогда не вернулся.

Глава 1

Грэм

2017

Два дня назад я купил цветы для кого-то, кто не был моей женой. С того самого момента я не выходил из офиса. Повсюду была разбросана бумага: блокноты, записки, скомканные листы с бессмысленными каракулями и перечеркнутыми словами. На моем столе стояли пять бутылок виски и нераспечатанная коробка сигар.

Мои глаза горели от усталости, но я не мог их закрыть, тупо уставившись на экран компьютера, набирая и удаляя слова снова и снова.

Я никогда не покупал цветы для своей жены.

Я никогда не дарил ей конфеты на День святого Валентина, считал мягкие игрушки нелепостью и понятия не имел, какой у нее любимый цвет.

Она тоже не знала, какой у меня любимый цвет, но я знал ее любимого политика. Я знал ее взгляды на глобальное потепление, она знала мои взгляды на религию, и мы оба знали наши общие взгляды на детей. Никаких детей в нашем доме.

Мы ставили эти принципы превыше всего; они держали нас вместе. Мы оба были увлечены карьерой, и у нас было мало времени друг для друга, не говоря уже о семье.

Я не был романтиком, и Джейн не возражала, потому что она тоже не была романтиком. Нас нечасто видели держащимися за руки или целующимися на публике. Мы не любили прижиматься друг к другу или выражать свои чувства в социальных сетях, но это не означало, что наша любовь была ненастоящей. Мы просто любили по-своему. Мы были логичной парой, которая понимала, что значит быть влюбленными, преданными друг другу, но мы никогда по-настоящему не погружались в романтические аспекты отношений.

Наша любовь была продиктована взаимным уважением, в ней была определенная структура. Каждое важное решение всегда было тщательно продумано и часто включало диаграммы и таблицы. В тот день, когда я сделал ей предложение, мы составили пятнадцать круговых диаграмм и блок-схем, чтобы убедиться, что мы принимаем правильное решение.

Романтично? А может, и нет. Логично?

Абсолютно.

Вот почему меня встревожило ее внезапное вторжение в мой рабочий процесс. Она никогда так не поступала, и вмешательство в мой дедлайн было более чем странным.

Мне оставалось еще девяносто пять тысяч.

Девяносто пять тысяч слов, прежде чем рукопись отправится в редакцию через две недели. Девяносто пять тысяч слов – это в среднем шесть тысяч семьсот восемьдесят шесть слов в день. Это означало, что следующие две недели своей жизни я проведу перед компьютером, с трудом отрываясь от экрана, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Мои пальцы работали на предельной скорости, печатая так быстро, насколько это возможно. Багровые мешки под глазами выдавали мое изнеможение, а спина болела от долгого сидения в кресле. И все же, когда я сидел перед компьютером с зудящими пальцами и глазами зомби, я чувствовал себя самим собой.

– Грэм, – сказала Джейн, отрывая меня от моего мира ужаса и возвращая в свой. – Нам пора идти.

Она стояла в дверях моего кабинета. Мне показалось странным, что ее волосы были кудрявыми, ведь обычно она их выпрямляла. Каждый день она просыпалась на несколько часов раньше меня, чтобы укротить свою кудрявую белокурую копну. Я мог бы пересчитать все разы, когда я видел ее с естественными кудрями, по пальцам одной руки. Ее волосы были растрепаны, а вчерашний макияж размазался по лицу.

Я видел свою жену плачущей всего два раза с тех пор, как мы сошлись: один раз – когда она узнала, что беременна, семь месяцев назад, и другой – когда четыре дня назад пришли плохие новости.

– Разве тебе не нужно выпрямить волосы? – спросил я.

– Сегодня я не буду этого делать.

– Ты всегда выпрямляешь волосы.

– Я не выпрямляла волосы уже четыре дня, – она нахмурилась, но я не стал комментировать ее разочарование. В тот вечер мне не хотелось разбираться с ее эмоциями. За последние четыре дня она превратилась в развалину, полную противоположность той женщине, на которой я женился, а я был не из тех, кого волнуют чужие эмоции.

Джейн нужно было взять себя в руки.

Я снова уставился на экран компьютера, и мои пальцы снова забегали по клавиатуре.

– Грэм, – проворчала она, ковыляя ко мне со своим очень беременным животом. – Нам пора идти.

– Я должен закончить свою рукопись.

– Ты не переставал писать последние четыре дня. Ты ложишься в три часа утра, а встаешь в шесть. Тебе нужен перерыв. Кроме того, мы не можем опаздывать.

Я прочистил горло и продолжил печатать.

– Я решил, что мне придется пропустить это глупое мероприятие. Прости, Джейн.

Краем глаза я заметил, как у нее отвисла челюсть.

– Глупое мероприятие? Грэм… это похороны твоего отца.

– Как будто это должно что-то для меня значить.

– Но это и правда что-то для тебя значит.

– Не надо решать за меня. Это унизительно.

– Ты устал, – сказала она.

Ну вот, ты снова решаешь за меня, что я должен чувствовать.

– Я посплю, когда мне стукнет восемьдесят или когда я стану моим отцом. Уверен, сегодня он спит особенно крепко.

Она поморщилась, но мне было все равно.

– Ты что, пил? – обеспокоенно спросила Джейн.

– За все года, что ты меня знаешь, разве я когда-нибудь пил?

Она окинула взглядом все окружающие меня бутылки с алкоголем и тихо выдохнула.

– Знаю, прости. Просто… ты поставил на стол еще несколько бутылок.

– Это посвящение моему мертвому отцу. Пусть он сгниет в аду.

– Не говори плохо о мертвых, – сказала Джейн, прежде чем икнуть и положить руки себе на живот. – Боже, ненавижу это ощущение. – Она убрала мои руки с клавиатуры и положила их себе на живот. – Как будто она бьет меня по всем внутренним органам по очереди. Это просто ужасно.

– Очень по-матерински, – с издевкой сказал я, не убирая рук.

– Я никогда не хотела детей, – выдохнула она и икнула еще раз. – *Никогда*.

– И вот мы здесь, – ответил я. Через два месяца Джейн придется родить живое человеческое существо, которое постоянно будет нуждаться в ее любви и заботе, и мне казалось, что она все еще не пришла к этому осознанию.

Если кто и был способен на проявление любви еще меньше, чем я, – это моя жена.

– Боже, – пробормотала она, закрывая глаза. – Сегодня ощущается особенно странно.

– Может, нам стоит поехать в больницу, – предложил я.

– Хорошая попытка. Ты едешь на похороны своего отца.

Черт.

– Нам все еще нужно найти няню, – сказала она. – Фирма дала мне несколько недель декретного отпуска, но они мне не понадобятся, если я найду приличную няню. Желательно маленькую пожилую мексиканку с грин-картой.

Я недовольно нахмурил брови.

– Ты же понимаешь, что это звучит отвратительно и по-расистски? Особенно в присутствии твоего мужа – наполовину мексиканца.

– Какой из тебя мексиканец, Грэм? Ты не знаешь испанского языка.

– И поэтому я не могу быть мексиканцем? Понятно, спасибо, – холодно ответил я. Порой моя жена становилась мне совершенно ненавистна. И хотя мы соглашались во многих вещах, иногда слова, вылетавшие у нее изо рта, заставляли меня усомниться во всех диаграммах, которые мы когда-либо делали.

Как кто-то настолько красивый мог быть настолько уродливым?

Стук.

Стук.

Не убирая руку с живота Джейн, я почувствовал, как у меня сжимается сердце. Эти слабые удары напугали меня. Я точно знал, что не подхожу для отцовства. История моей семьи наглядно демонстрировала, что из моего рода не выходит ничего хорошего.

Я просто молился, чтобы ребенок не унаследовал мой характер или еще хуже – характер моего отца.

Джейн прислонилась к моему столу и начала перекладывать мои идеально разложенные бумаги, в то время как мои пальцы все еще лежали на ее животе.

– Пора идти в душ и одеваться. Я повесила твой костюм в ванной.

– Я же сказал тебе, что не могу поехать. У меня дедлайн.

– А твой отец уже перешел черту дедлайна, и теперь мы должны отправить его рукопись в последнее путешествие.

– Его рукопись – это его гроб?

Джейн нахмурилась.

– Нет. Не говори глупостей. Его тело – это рукопись, а гроб – это переплет.

– Чертовски дорогой переплет. Я не могу поверить, что он выбрал гроб, отделанный золотом, – я замолчал и прикусил губу. – Хотя если подумать, это в его стиле. Ты же знаешь моего отца.

– Сегодня там будет очень много народу. Его читатели, его коллеги.

Сотни людей соберутся в одном месте, чтобы отпраздновать жизнь Кента Рассела.

– Это будет настоящий цирк, – простонал я. – Они будут оплакивать его, пребывая в абсолютной печали и трагично закатывая глаза в неверии. Они начнут рассказывать свои истории, делиться болью: «Только не Кент, не может быть. Благодаря этому великому человеку я занялся писательством. Только из-за него я уже пять лет не притрагивался к спиртному. Не могу поверить, что он ушел. Кент Теодор Рассел – мужчина, отец, герой. Нобелевский лауреат. Мертвец». Мир будет скорбеть.

– А ты? – спросила Джейн. – Что ты будешь делать?

– Я? – Я откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. – Я закончу свою рукопись.

– Тебе грустно, что он ушел? – спросила Джейн, потирая свой живот.

Ее вопрос на мгновение задержался у меня в голове, прежде чем я ответил:

– Нет.

Я хотел по нему скучать. Я хотел его любить. Я хотел его ненавидеть.

Я хотел его забыть.

Но я ничего не чувствовал. Мне потребовались годы, чтобы научиться ничего не чувствовать к отцу, стереть всю боль, которую он причинил мне и тем, кого я любил больше всего на свете. Единственный способ избавиться от боли – это запереть ее на замок и забыть все его дурные дела, забыть свои мечты о заботливом отце.

Заперев боль, я разучился чувствовать себя полноценным человеком.

Джейн не возражала против моей запертой души, потому что она тоже ничего не чувствовала.

– Ты ответил слишком быстро, – сказала она.

– Самый быстрый ответ всегда самый честный.

– Я скучаю по нему, – низким голосом сказала Джейн, пытаясь выразить свою боль по поводу потери моего отца. Можно сказать, что Кент Рассел стал лучшим другом миллионов благодаря своим книгам, вдохновляющим речам, искусно сконструированной личности и бренду, которые он продавал миру. Я бы тоже скучал по нему, если бы не знал, кем он был на самом деле.

– Ты скучаешь по нему, потому что никогда его не знала. Прекрати хандрить из-за человека, который не стоит твоего времени.

– Нет, – резко ответила она с болью в голосе. Ее глаза наполнились слезами – в который раз за последние несколько дней. – Не смей этого делать, Грэм. Не обесценивай мою боль. Для меня твой отец был хорошим человеком. Он был добр ко мне, когда ты был холоден, и заступался за тебя каждый раз, когда я хотела уйти, так что не надо говорить, чтобы я перестала хандрить. Ты не можешь решать, что мне чувствовать, – сказала она, и я ощутил, как все ее тело сотрясается от слез.

Я склонил голову, смущенный ее внезапной вспышкой, но затем мой взгляд упал на ее живот.

Гормональный взрыв.

– Ого, – ошеломленно пробормотал я.

Джейн резко выпрямилась.

– Что такое? – спросила она немного испуганно.

– Я думаю, у тебя просто случился эмоциональный срыв из-за смерти моего отца.

Она глубоко вздохнула и застонала.

– О боже, что со мной такое? Эти гормоны превратили меня в размазню. Я ненавижу все, что связано с беременностью. Клянусь, после этого я сделаю стерилизацию, – поднявшись, она вытерла слезы и сделала более глубокий вдох. – Ты можешь сделать мне сегодня хотя бы одно одолжение?

– Какое?

– Можешь притвориться, что тебе грустно? Если люди увидят, что ты улыбаешься на похоронах, – пойдут ненужные разговоры.

Я одарил ее преувеличенно хмурым взглядом.

Она закатила глаза.

– Хорошо, а теперь повторяй за мной: мой отец был по-настоящему любим и нам будет его очень не хватать.

– Мой отец был настоящим ублюдком, и никто не будет по нему скучать.

Она похлопала меня по груди.

– У тебя почти получилось. А теперь иди одевайся.

Ворча себе под нос, я поднялся с кресла.

– О! Ты заказывал цветы для церемонии? – крикнула Джейн.

Я стянул свою белую футболку через голову и бросил ее на пол ванной.

– Пять тысяч долларов за бесполезные растения для похорон, которые отправятся на помойку всего через несколько часов.

– Людям понравится, – сказала Джейн.

– Люди – идиоты, – ответил я, вставая под обжигающе горячую струю душа. Я изо всех сил старался придумать, какую речь произнести в честь человека, который был героем для многих, но дьяволом для меня. Я пытался откопать воспоминания о любви и заботе, о том, как я им гордился, но ничего не вышло. Ничего. Никаких настоящих чувств.

Мое сердце – которое он превратил в камень – оставалось совершенно пустым.

Глава 2

Люси

– Здесь покоится Мари Джой Палмер, дарительница любви, мира и счастья. Как жаль, что она покинула этот мир. Ее уход стал неожиданностью и принес всем невыразимую боль.

Я посмотрела на неподвижное тело Мари и вытерла шею маленьким полотенцем. Раннее утреннее солнце светило в окна, и я изо всех сил старалась перевести дыхание.

– Трагичная смерть от горячей йоги, – тяжело дыша, вздохнула Мари.

Я рассмеялась.

– Тебе придется встать, Мари. Тренеру нужно подготовиться к следующему занятию. – Я протянула руку истекающей потом сестре. – Пошли отсюда.

– Иди без меня, – театрально сказала она, размахивая невидимым флагом. – Я сдаюсь.

– Ну уж нет. – Я схватила Мари за руки и потянула на себя, несмотря на ее сопротивление. – Ты прошла курс химиотерапии, Мари. Горячая йога тебе нипочем.

– Я не понимаю, – заскулила она. – Я думала, что йога должна приносить покой и умиротворение, а не ведра пота и всклокоченные волосы.

Я ухмыльнулась, глядя на ее вьющиеся волосы, собранные в узел на макушке. Она была в ремиссии уже почти два года. С тех пор мы старались жить на всю катушку и даже открыли цветочный магазин.

Мы быстро приняли душ и вышли на улицу, где нас тут же ослепило жаркое летнее солнце.

– Какого черта мы решили приехать на велосипедах? – застонала Мари. – И как мы вообще оказались на горячей йоге в шесть часов утра?

– Потому что мы заботимся о своем здоровье и хотим быть в самой лучшей форме, – усмехнулась я. – К тому же наша машина в мастерской.

Она закатила глаза.

– Значит, теперь мы живем той жизнью, где перед работой едут в кафе на велосипеде и заказывают круассаны?

– Ага! – отозвалась я, отстегивая велосипед от шеста и запрыгивая на него.

– И под круассанами ты подразумеваешь?..

– Смузи из зеленой капусты? Да, так и есть.

Она снова застонала, но на этот раз еще громче.

– Ты нравилась мне куда больше, когда не заботилась о своем здоровье и вся твоя диета состояла из тако и конфет.

Я улыбнулась и начала крутить педали.

– Давай наперегонки!

Само собой, я первая оказалась у входа в «Зеленые мечты». Мари зашла в кафе через несколько минут и всем телом навалилась на прилавок.

– Серьезно, Люси, мне нравится обычная йога, но горячая йога? – она замолчала, сделав несколько глубоких вдохов. – Горячая йога может вернуться в ад, откуда она и пришла, и умереть долгой мучительной смертью.

К нам подошла улыбчивая девушка.

– Доброе утро, дамы! Что я могу для вас сделать?

– Текилу, пожалуйста, – сказала Мари, поднимая голову от стойки. – Можете налить ее в картонный стаканчик, если хотите. Тогда я смогу пить по дороге на работу.

Официантка растерянно уставилась на мою сестру, и я усмехнулась.

– Мы возьмем два зеленых сока из автомата и два ролла с картошкой и яйцом.

– Звучит неплохо. Какую лепешку предпочитаете: из цельной пшеницы, шпината или льняного семени? – спросила девушка.

– О, пицца с фаршированной корочкой подойдет как нельзя лучше, – ответила Мари. – С чипсами и сырным соусом.

– Из льняного семени, – засмеялась я. – Мы выбираем лепешку из льняного семени.

Когда нам принесли еду, мы заняли столик, и Мари набросилась на нее, как будто прибыла из голодного края.

– Итак, – начала она, набив щеки как бурундук. – Как поживает Ричард?

– Он в порядке, – кивнула я. – Постоянно занят, но у него все хорошо. Из-за его последней работы наша квартира выглядит так, будто по ней пронесся шторм, но он молодец. С тех пор как Ричард узнал, что через несколько месяцев у него будет выставка, он постоянно паникует и пытается поймать вдохновение. Кажется, он не спал уже несколько ночей, но для него это нормально.

– Мужчины странные, и я не могу поверить, что ты живешь с одним из них.

– Точно, – я засмеялась. Мы с Ричардом не могли съехаться целых пять лет, потому что я не хотела бросать Мари, когда она болела. Теперь мы жили вместе уже четыре месяца, и мне ужасно это нравилось. Я любила его. – Помнишь, что мама говорила о жизни с мужчинами?

– Да. Как только ему станет настолько комфортно, что он начнет снимать обувь и без спроса копаться в твоем холодильнике, – с ним пора прощаться.

– Мудрая женщина.

Мари кивнула.

– Мне следовало придерживаться ее советов: может быть, тогда я смогла бы избежать встречи с Паркером. – На несколько секунд глаза Мари потемнели, но она тут же сморгнула боль и улыбнулась. Она почти не говорила о Паркере с тех пор, как он ушел от нее два года назад, но всякий раз, когда с ее губ срывалось его имя, казалось, что над ней нависло облако печали. Но она отгоняла это облако от себя, не позволяя пролиться дождем на ее голову и испортить ей жизнь. Она изо всех сил старалась быть счастливой, и по большей части так оно и было, хотя иногда ей все же приходилось испытывать мимолетные секунды боли.

Секунды, когда она предавалась воспоминаниям, секунды, когда винила себя, секунды, когда чувствовала себя одинокой. Секунды, когда она позволяла своему сердцу разбиться, прежде чем торопливо начать собирать его обратно по кусочкам.

На каждую секунду боли Мари считала своим долгом найти минутку для счастья.

– Ну, теперь ты живешь по ее правилам и чувствуешь себя лучше, чем когда-либо, верно? – сказала я, пытаясь помочь ей избавиться от облака над головой.

– Верно! – воскликнула она, и в ее глазах снова вспыхнула радость. Чувства – очень странная штука. В одну секунду человек может загрустить, а потом вдруг зажечься от счастья. Больше всего меня поражало, как люди могут испытывать и то и другое одновременно. Мне показалось, что в этот момент Мари испытала щепотку обоих чувств: немного грусти вперемешку с радостью.

Мне казалось, что это прекрасный способ проживать жизнь.

– Ну что, приступим к работе? – спросила я, вставая со стула. Мари застонала от досады, но согласилась и потащилась обратно к своему велосипеду, чтобы отправиться к нашему магазину.

«Сады Моне» были нашей мечтой, воплотившейся в жизнь. Магазин был декорирован по мотивам картин моего любимого художника Клода Моне. Когда мы с Мари наконец добрались до Европы, я планировала провести много времени в саду Моне во французской деревушке Живерни. Копии его работ были развешаны по всему магазину, и время от времени мы делали

по ним цветочные композиции. Связав наши жизни с банковскими кредитами, мы с Мари работали не покладая рук, и в конце концов звезды сошлись в нашу пользу. В один момент мы думали, что так и не откроем магазин, но последний банк все-таки одобрил запрос Мари. Несмотря на то, что работа теперь занимала все наше время, – я даже не думала о друзьях и развлечениях, но не могла пожаловаться на то, что провожу дни в окружении цветов.

Помещение было небольшим, но в нем умещались десятки различных видов цветов: попугайные тюльпаны, лилии, маки и, конечно же, розы. Мы обслуживали все виды мероприятий; моими любимыми были свадьбы, а худшими – похороны.

Сегодня был один из худших дней, и настала моя очередь доставлять заказ.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я устроила свадьбу Гарретта, а ты – похороны Рассела? – спросила я, собирая белые гладиолусы и розы, чтобы погрузить их в грузовик. Должно быть, почившего очень любили, – судя по размеру заказа. В него входили десятки белых роз для украшения гроба, пять мольбертов с лентами, на которых было написано «Отец», и дюжины разнообразных букетов, которые должны были быть размещены вокруг церкви.

Меня поражало, какими прекрасными могут быть цветы, предназначенные для такого печального случая.

– Уверена. Но я могу помочь тебе погрузить все в фургон, – сказала Мари, поднимая одну из коробок и направляясь обратно в переулок, где была припаркована наша рабочая машина.

– Если ты займешься этими похоронами, я перестану каждое утро таскать тебя на горячую йогу.

Она захихикала.

– Если бы я получала по монетке каждый раз, как слышу от тебя эти слова, – я бы уже была в Европе.

– Нет, клянусь! Больше никакого пота и отдышки в шесть часов утра!

– Ты врешь.

Я молча кивнула.

– Да, я вру.

– И мы больше не будем откладывать путешествие по Европе. Мы ведь точно поедем туда следующим летом? – спросила Мари, прищурившись.

Я застонала. С тех пор как она заболела два года назад, я все время откладывала нашу поездку. Умом я понимала, что ей уже лучше, что она здорова и сильна, как никогда, но маленькая часть моего сердца боялась уезжать так далеко от дома. Вдруг ей станет плохо в другой стране?

Я тяжело сглотнула, но согласилась. Мари широко улыбнулась и с довольным видом направилась в заднюю комнату.

– И в какую же церковь мне ехать? – спросила я вслух, подбегая к компьютеру, чтобы открыть нужный файл. Арена «Пантеры» в Милуоки. Я застыла на месте и прищурилась, перечитывая эти слова.

– Мари! – крикнула я. – Тут написано, что похороны будут проходить на арене в центре города… это правда?

Она поспешила обратно в комнату, посмотрела на экран компьютера и пожала плечами.

– Вау. Это объясняет такое количество цветов. – Мари провела рукой по волосам, и я улыбнулась. Каждый раз, когда она делала это движение, мое сердце переполнялось радостью. Ее растущие волосы были напоминанием о том, что ее жизнь продолжается, и о том, как нам повезло. Я была так счастлива, что цветы в фургоне предназначались не для нее.

– Да, но кто устраивает похороны на арене? – в замешательстве спросила я.

– Должно быть, кто-то очень важный.

Пожав плечами, я решила не слишком об этом задумываться. Я прибыла к арене за два часа до церемонии, чтобы все подготовить, но здание уже было окружено многочисленной

толпой. На центральных улицах Милуоки собрались сотни людей, а возле входа на стадион расхаживали полицейские.

Отдельные люди писали записки и вывешивали их у дверей; некоторые плакали, в то время как другие были увлечены какими-то серьезными обсуждениями. Когда подъехала к черному входу, чтобы выгрузить цветы, один из работников арены запретил мне входить в здание. Он толкнул дверь и загородил вход своим телом.

– Извините, но вы не можете сюда войти, – сказал мужчина. – Сегодня у нас эксклюзивный доступ, – у него на шее висела большая гарнитура, и то, как он слегка прикрыл за собой дверь, чтобы я не заглядывала внутрь, было подозрительно.

– О, нет, я просто привезла цветы для церемонии, – начала объяснять я, и он закатил глаза.

– Еще цветы? – проворчал мужчина и указал на другую дверь. – Можете выгрузить их за углом, у третьей двери. Точно не пропустите.

– Хорошо. Эй, а чьи это похороны? – спросила я, привстав на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь.

Работник стадиона бросил на меня недовольный взгляд.

– За углом, – рявкнул он и захлопнул за собой дверь.

Я подергала за ручку и нахмурилась.

Заперто.

Однажды я перестану быть такой настырной, но, очевидно, не сегодня.

Я улыбнулась себе под нос и пробормотала:

– Мне тоже было очень приятно с вами познакомиться.

Заехав за угол, я поняла, что мы были не единственным цветочным магазином, с которым связались по поводу похорон. Три фургона стояли в очереди передо мной, и они тоже не могли попасть внутрь: служащие собирали цветочные композиции прямо у дверей. Не успела я поставить машину на стоянку, как сзади появились рабочие и принялись колотить в заднюю дверь, чтобы я ее открыла. Как только я это сделала, они начали бесцеремонно хватать цветы, и я съежилась от того, как одна из женщин грубо сжала в руке венок из белых роз. Она перебросила его через плечо, совершенно уничтожив зеленую молюцеллу.

– Осторожно! – крикнула я, но они словно оглохли.

Закончив, рабочие захлопнули мои двери, подписали бумаги и вручили мне конверт.

– А это еще зачем?

– Разве тебе не сказали? – женщина тяжело вздохнула и уперла руки в бока. – Цветы нужны только для вида, и сын мистера Рассела распорядился, чтобы после мероприятия их вернули флористам. В конверте находится ваш билет, а также пропуск за кулисы, чтобы вы могли забрать ваши цветы. Иначе их просто выкинут.

– Выкинут? – воскликнула я. – Как расточительно.

Женщина подняла бровь.

– Да, они ведь не завянут через пару дней, – с сарказмом сказала она. – Так вы хотя бы можете их перепродать.

Перепродать цветы с похорон? Ну конечно, это же абсолютно нормально и совсем не похоже на безумие. Прежде чем я успела ответить, она помахала мне рукой, даже не попрощавшись.

Открыв конверт, я нашла свой билет и карточку, которая гласила: «Пожалуйста, предъявите эту карточку после мероприятия, чтобы забрать цветочные композиции. В противном случае они будут уничтожены».

Мои глаза несколько раз перечитали билет. Билет.

На похороны.

Я еще ни разу не присутствовала на таком странном событии. Свернув за угол, на главную улицу, я заметила, что у входа собралось еще больше людей, которые расклеивали письма на стенах здания.

Мое любопытство достигло пика, и после того, как я несколько раз объехала здание в поисках парковки, мне на глаза попалась стоянка. Я припарковала фургон и вылезла наружу, чтобы посмотреть, на чьих похоронах я оказалась. Ступив на набитый битком тротуар, я заметила женщину, которая стояла на коленях и что-то писала на клочке бумаги.

– Извините, – сказала я, похлопав ее по плечу. Она подняла голову и лучезарно улыбнулась. – Простите, что беспокою, но… чьи это похороны?

Женщина поднялась, все еще ухмыляясь во весь рот.

– Известного писателя Кента Рассела.

– Не может быть.

– Да. Все пишут хвалебные речи о том, как он спас их жизни, и приклеивают их скотчем к стене здания, чтобы почтить его память, но, честно говоря, я гораздо больше хочу увидеть Г. М. Рассела. Жаль, что для этого пришлось прийти на похороны.

– Г. М. Рассел? Подождите, вы говорите о величайшем авторе триллеров и хорроров всех времен?! – выпалила я, наконец-то осознав происходящее. – О боже мой! Я его обожаю!

– Вау. Как же ты сразу не сообразила? Сначала я подумала, что у тебя крашеные волосы, но теперь вижу, что ты самая настоящая блондинка, – пошутила женщина. – Это большое событие, потому что Г. М. почти не появляется на людях, сама знаешь. На книжных мероприятиях он почти не общается с читателями, а только натянуто улыбается и не разрешает себя фотографировать, но сегодня мы точно сможем сделать пару фотографий. Это. Просто. Невероятно.

– Фанатов пригласили на похороны?

– Да, это было прописано в завещании Кента. Все деньги пойдут на лечение детей. Мне удалось урвать очень хорошие места. Моя подруга Хизер должна была составить мне компанию, но у нее роды начались раньше срока. Эти глупые дети вечно все портят.

Я засмеялась.

– Тебе не нужен лишний билет? – спросила она. – Почти в первом ряду! К тому же я бы предпочла сидеть рядом с поклонницей Г. М., а не с очередным фанатом Папы Рассела. Ты была бы в шоке, если бы узнала, сколько людей пришло ради него. – Она сделала паузу, приподняла бровь и принялась рыться в своей сумочке. – С другой стороны, может, и нет, учитывая, что он отбросил копыта и все такое. Ну вот, они открывают двери, – женщина протянула мне свой запасной билет. – И кстати, меня зовут Тори.

– Люси, – с улыбкой сказала я, но немного помедлила. Все же мне казалось странным присутствовать на похоронах незнакомца на огромной арене, но опять же… Где-то внутри этого здания находился Г. М. Рассел вместе с моими цветами, которые вскоре отправятся на помойку. Мы добрались до наших мест, и все это время Тори не переставала делать фотографии.

– Потрясающие места, правда? Не могу поверить, что я отхватила этот билет всего за две тысячи!

– Две тысячи?! – ахнула я.

– Представляешь? Так дешево! И все, что мне нужно было сделать, – это продать свою почку какому-то чуваку по имени Кенни на черном рынке.

Она повернулась к пожилому джентльмену, сидевшему слева от нее. Ему было где-то под семьдесят, но он выглядел очень представительно. На нем был классический плащ, из-под которого виднелся коричневый замшевый костюм с бело-голубой бабочкой в горошек. Он повернулся к нам с искренней улыбкой.

– Эм, извините, но мне просто любопытно: сколько вы заплатили за свое место?

– О, я ничего не платил, – сказал он с самой доброй усмешкой на свете. – Грэм был моим студентом. Меня пригласили.

Тори восторженно вскинула руки.

– Погодите, я не верю своим глазам. Вы профессор Оливер?!

Он ухмыльнулся и кивнул.

– Пойман с поличным.

– Да вы же словно… Йода для нашего Люка Скайуокера! Вы Волшебник за спиной Оза. Вы же, черт возьми, профессор Оливер! Я читала все статьи Грэма и должна сказать, что это просто потрясающе – встретить человека, о котором так хорошо отзывался сам Г. М. Рассел! Ну, насколько он вообще способен хорошо отзываться о людях. Вы меня понимаете, – она усмехнулась. – Можно пожать вам руку?

Тори продолжала говорить почти все мероприятие, но остановилась в тот момент, когда Грэм вышел на сцену, чтобы произнести прощальную речь. Прежде чем открыть рот, он снял пиджак, расстегнул манжеты рубашки и мужественным движением закатал рукава до локтя. Я могла поклясться, что он закатывал каждый рукав в замедленной съемке, а затем потер губы и тихо выдохнул.

Вау.

Он был так небрежно привлекателен, что у меня перехватывало дыхание.

Грэм оказался гораздо красивее, чем я думала. Вся его внешность была темной, очаровательной и в то же время крайне неприветливой. Его короткие, черные как ночь волосы были приглажены назад свободными волнами, а острый квадратный подбородок покрывала легкая щетина. Его медная кожа была гладкой и безупречной, нигде не было видно ни единого изъяна, за исключением небольшого шрама, пересекавшего шею, но и это совсем его не портило.

Из романов самого Грэма я знала, что шрамы тоже могут быть красивыми.

Он ни разу не улыбнулся, но это не было удивительно: в конце концов, мы были на похоронах его отца. Но когда он заговорил, его голос звучал плавно и немного холодно, словно виски со льдом. Как и все остальные на арене, я не могла оторвать от него глаз.

– Мой отец, Кент Рассел, спас мне жизнь. Каждый день он вдохновлял меня быть не только лучшим рассказчиком, но и лучшим человеком.

Следующие пять минут его речи привели к тому, что сотни людей заплакали, затаили дыхание и начали жалеть, что они сами не являются родственниками Кента. Я никогда не читала рассказов Кента, но благодаря Грэму у меня вдруг появилось желание приобрести хотя бы одну из его книг. Он закончил свою речь, поднял глаза и натянуто улыбнулся.

– Я хочу закончить эту речь словами моего отца: стремитесь к вдохновению. Стремитесь к правде. Стремитесь к приключениям. У нас есть только одна жизнь, и, чтобы почтить память моего отца, я собираюсь проживать каждый день так, как будто это моя последняя глава.

– О боже, – прошептала Тори, вытирая слезы с глаз. – Ты это видишь? – спросила она, кивая на свои колени.

– Что? – прошептала я.

– Какой у меня огромный невидимый стояк. Я не знала, что можно возбудиться от похоронной речи.

Я рассмеялась.

– И я тоже.

После того как все закончилось, мы с Тори обменялись номерами, и она пригласила меня в свой книжный клуб. После нашего прощания я направилась в заднюю комнату, чтобы забрать цветы. Пока я искала свои розы, я не могла не думать о том, как неловко я чувствовала себя на пышных похоронах Кента. Это казалось похожим на… цирковое представление.

Я вообще не понимала похороны, по крайней мере традиционные. В моей семье последнее прощание обычно включало посадку дерева в память об ушедшем человеке, чтобы почтить его жизнь и принести в мир больше красоты.

Когда мимо прошла работница с одной из моих цветочных композиций, я ахнула и крикнула ей вслед:

– Извините!

Но из-за наушников она ничего не услышала, и мне пришлось проталкиваться сквозь толпу, стараясь не отставать от нее. Она подошла к двери, открыла ее и бросила цветы на улицу, а затем просто развернулась и ушла, танцуя под звуки своей музыки.

– Это были цветы за триста долларов! – воскликнула я и поспешила к двери. Когда она захлопнулась, я подбежала к розам, оказавшимся в мусорном баке на закрытой территории.

Ночной воздух коснулся моей кожи, и я принялась собирать розы, наслаждаясь серебряным светом луны. Закончив, я сделала глубокий вдох. В этой ночи было что-то умиротворяющее: все как будто замедлилось и дневные заботы исчезли до следующего утра.

Я вернулась к двери и несколько раз дернула за ручку.

Заперто.

Вот черт.

Мои руки сжались в кулаки, и я начала колотить в дверь, изо всех сил пытаясь попасть внутрь.

– Эй! Есть кто-нибудь?

Я покричала еще десять минут и наконец сдалась.

Через полчаса я уже сидела на бордюре и смотрела на звезды, когда услышала, как позади меня открылась дверь. Я повернулась и ахнула.

Это ты.

Грэм Рассел.

Он стоял прямо позади меня.

– Прекрати, – отрезал он, заметив мой удивленный взгляд. – Хватит на меня смотреть.

– Стой! Дверь… – я вскочила на ноги, и прежде чем я успела сказать ему придержать дверь, она с грохотом закрылась у него за спиной, – …запирается автоматически.

Он поднял бровь, обдумывая услышанное, а затем дернул за ручку и вздохнул.

– Это какая-то шутка? – Он дернул еще раз, но дверь была закрыта. – Заперто.

Я кивнула.

– Ага.

Он похлопал себя по карманам брюк и застонал.

– А мой телефон остался в кармане пиджака.

– Я бы предложила свой телефон, но у него села зарядка.

– Ну конечно, – мрачно сказал он. – Потому что этот день просто не мог стать еще хуже.

Грэм несколько минут постучал по двери, но это не принесло никаких результатов, и он выругался себе под нос, проклиная свою жизнь. Затем он прошелся до другого конца огражденной территории и сцепил руки за шеей. Он выглядел изможденным после всех событий этого дня.

– Мне очень жаль, – тихо прошептала я. Что еще я могла сказать? – Соболезную вашей утрате.

Он безразлично пожал плечами.

– Люди умирают. Такое часто случается.

– Да, но от этого не становится легче, и мне очень жаль.

Он не ответил, но в этом не было необходимости. Я все еще была поражена тем, что стою так близко к нему. Я прочистила горло и заговорила снова, потому что просто не умела молчать.

– Это была прекрасная речь.

Он повернул голову в мою сторону и одарил меня холодным взглядом, прежде чем снова отвернуться.

– Вы смогли показать, каким добрым и нежным человеком был ваш отец и как он изменил вашу жизнь и жизнь других людей. Ваша сегодняшняя речь – это… – я прервалась, подыскивая подходящие слова.

– Чушь собачья, – вдруг сказал он.

Я выпрямилась.

– Что?

– Моя сегодняшняя речь – это чушь собачья. Я сорвал ее на улице. Кто-то написал это на листе и вывесил у главного входа. Кто-то, кто, вероятно, никогда не находился рядом с моим отцом дольше десяти минут, потому что иначе они бы знали, насколько дерьмовым человеком был Кент Рассел.

– Погодите, так, значит, вы своровали прощальную речь на похороны своего отца?

– Когда ты так говоришь, это звучит ужасно, – сухо ответил он.

– Возможно, это звучит ужасно, потому что так оно и есть.

– Мой отец был жестоким человеком, который манипулировал людьми, чтобы получить как можно больше денег. Он смеялся над тем, что вы, люди, платите деньги за его дерьмовые вдохновляющие книги и пытаетесь построить свои жизни на этом мусоре. Ты слышала о бестселлере «*Тридцать дней до трезвой жизни*»? Он написал эту книгу пьяным в стельку. Мне буквально приходилось вытаскивать его из собственной блевотины, и это происходило так много раз, что я уже сбился со счета. «*Пятьдесят способов влюбиться*»? Он трахал проституток и увольнял ассистенток за то, что они не хотели с ним спать. Он был последней дрянью и посмешищем, и я уверен, что он никому не помог, хотя сегодня многие заявляли, что он «спас им жизнь». Он использовал вас всех, чтобы купить себе яхту и несколько свиданий на одну ночь.

От изумления у меня отвисла челюсть.

– Вау. – Я засмеялась, пиная ногой маленький камешек. – Расскажите, что вы чувствуете на самом деле.

Он принял мой вызов и медленно повернулся ко мне, шагнув ближе. Мое сердце забилось быстрее. Ни один мужчина не должен был быть таким красивым и мрачным, как он. Похоже, Грэм значительно преуспел в притворстве. Интересно, умел ли он улыбаться?

– Ты хочешь знать, что я чувствую на самом деле?

Нет.

Да.

Может быть?

Он не дал мне возможности ответить и продолжил говорить:

– По-моему, продавать билеты на похороны – это абсурд. Я считаю нелепым извлекать выгоду из смерти человека, превращая его последнее прощание в цирк. Я думаю, это ужасно, что люди платили сверх цены, желая попасть на «афтерпати», но, опять же, люди были готовы заплатить и за то, чтобы посидеть на одном диване с Джеффри Дамером. Казалось бы, что меня уже ничем не удивить, и все же каждый день люди шокируют меня своим недостатком интеллекта.

– Ничего себе… – Я разгладила свое белое платье и покачалась взад-вперед. – Он так сильно тебе не нравился?

Его взгляд опустился на землю, но затем он снова посмотрел на меня.

– Ни капли.

Я всмотрелась в ночную темноту, изучая звезды.

– Это так странно, правда? Как один и тот же человек может казаться кому-то ангелом, а кому-то – самым злостным демоном.

Впрочем, мои мысли его не интересовали. Он вернулся к двери и снова начал стучать.

– Мактуб, – с улыбкой сказала я.

– Что?

– Мактуб. Это значит, что все предрешено и что все происходит по определенной причине. – Недолго думая, я протянула ему руку. – Кстати, меня зовут Люси. Сокращенно от Люсиль.

Он прищурился: мое откровение ни капли его не позабавило.

– Ладно.

Я тихо засмеялась и сделала шаг вперед, все еще протягивая руку.

– Я знаю, что иногда писатели не распознают социальные сигналы, но обычно в этом случае люди жмут друг другу руки.

– Я тебя не знаю.

– Вы удивитесь, но в таких случаях люди жмут руки.

– Грэм Рассел, – сказал он, не принимая моей руки. – Я Грэм Рассел. И давай на «ты».

Я опустила руку с застенчивой улыбкой на губах.

– О, я знаю, кто ты. Не хочу показаться банальной, но я твоя самая большая поклонница. Я прочла все, что ты написал.

– Это невозможно. Некоторые мои рукописи так и не были опубликованы.

– Но если бы их опубликовали, клянусь, я бы их прочла.

– Как насчет «Урожая»?

Я пошевелила носом.

– Да, я читала эту книгу.

Сперва мне показалось, что он улыбнулся, но на самом деле у него просто дернулась губа. *Ошибочка вышла*.

– Она правда настолько плоха, как я думаю? – спросил он.

– Нет, просто… она не такая, как другие. – Я прикусила нижнюю губу. – Эта книга отличается от остальных, но я не могу понять почему.

– Я написал ее после смерти моей бабушки. – Грэм переступил с ноги на ногу. – Это полное дерьмо, и его не следовало публиковать.

– Нет, – нетерпеливо ответила я. – Во время прочтения у меня перехватывало дыхание, просто немного в другом смысле. Поверь, если бы я думала, что это полная чушь, то так и сказала бы. Мне никогда не удавалось убедительно лгать. – Мои брови зашевелились, а нос сморщился, когда я встала на цыпочки – точно так же делала наша мама, – и снова уставилась на звезды. – А ты не думал посадить дерево?

– Что?

– Дерево в честь твоего отца. После смерти одного близкого человека мы с сестрой закопали ее прах в землю и посадили на этом месте дерево. По праздникам мы садимся под деревом и едим ее любимые сладости, чтобы почтить ее память. Это круг жизни. Она пришла в этот мир в виде чистой энергии и точно так же вернулась в свое первоначальное состояние.

– Ты идеально вписываешься в образ стереотипного миллениала.

– Я считаю, что это отличный способ сохранить красоту окружающей среды.

– Люсиль…

– Можешь звать меня Люси.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

– Люси – это имя для ребенка. Если ты хочешь чего-то добиться в этом мире – представляйся своим полным именем.

– Я запомню. А если ты когда-нибудь захочешь стать душой вечеринки – тебе следует подумать о прозвище Грэм Крекер[1].

– Ты всегда такая смешная?

– Только на платных похоронах.

– Сколько стоили билеты?

– От двухсот до двух тысяч долларов.

У него перехватило дыхание.

– Ты шутишь? Люди заплатили по две тысячи долларов, чтобы посмотреть на мертвое тело?

Я провела рукой по волосам.

– Плюс налог.

– Я беспокоюсь о будущих поколениях.

– Не стоит. Предыдущее поколение тоже беспокоилось о тебе, но посмотри, ты очевидно вырос дружелюбным очаровашкой, – подтрунила я.

Он почти улыбнулся. И это было почти красиво.

– А знаешь, по финалу твоей речи можно было догадаться, что ее написал кто-то другой. Поверить не могу, что упустила такую подсказку.

Он приподнял бровь.

– Может, ее действительно написал я.

Я рассмеялась.

– Неправда.

Он не засмеялся в ответ.

– Ты права. Как ты догадалась?

– Ну… ты пишешь ужасы и триллеры. Я читаю их с восемнадцати лет, и они никогда не заканчивались хорошо.

– Это не так, – возразил Грэм.

Я молча кивнула.

– Серьезно. Монстры всегда побеждают. Я начала читать твои книги после того, как потеряла одного из своих лучших друзей, и их мрачность принесла мне небольшое облегчение. Благодаря им я осознала, что в мире много разной боли, и это помогло мне справиться с моей собственной. Как ни странно, твои книги принесли мне покой.

– Я уверен, что одна из них закончилась счастливо.

– Ни одна. – Я пожала плечами. – Но это не страшно. Твои книги по-прежнему остаются шедеврами, просто не такими позитивными, как сегодняшняя похоронная речь, – я ненадолго замолчала и вдруг снова засмеялась: – Позитивная похоронная речь. Пожалуй, это самая неловкая фраза, которую я когда-либо произносила.

Мы снова замолчали. Каждые несколько минут Грэм снова начинал стучать по запертой двери, разочарованно вздыхая после каждой неудачной попытки.

– Сожалею насчет твоего отца, – еще раз сказала я, наблюдая за его тщетными усилиями. Для него это был долгий день, и мне было невыносимо смотреть на то, как отчаянно он хочет остаться в одиночестве, а я – единственное, что стоит на его пути к покою. В день похорон отца он буквально оказался заперт в клетке с незнакомкой.

– Все в порядке. Люди умирают.

– О нет, я сожалею не о его смерти. Я верю, что смерть – это только начало очередного приключения. Мне жаль, что для тебя он не был тем же человеком, каким казался всему остальному миру.

---

[1] Грэм-крекер – сладкий ароматизированный крекер, который появился в Соединенных Штатах Америки в начале 1880-х годов.

Грэм на мгновение задумался, явно собираясь что-то сказать, но в итоге предпочел промолчать.

– Ты не привык выражать свои чувства, не так ли? – спросила я.

– А ты выражаешь свои чувства слишком часто, – отрезал он.

– А ты вообще что-нибудь написал?

– Прощальную речь? Нет. А ты написала одну из тех, что висят у входа? Может, я прочитал твою речь?

Я засмеялась.

– Нет, но я написала кое-что во время церемонии. – Я полезла в свою сумку и достала оттуда маленький клочок бумаги. – Она не такая красивая, как твоя украденная речь, но все же это слова.

Грэм протянул руку, и я положила клочок бумаги в его ладонь, едва задев кончики его пальцев.

Фанатская истерика через три, два, один…

Воздух надо мной, земля подо мной, огонь внутри меня, вода вокруг меня…

Он прочел мою речь вслух и тихо присвистнул.

– Оу, – сказал он, медленно кивая. – Ты чудаковатая хиппи.

– Да, я чудаковатая хиппи. – Уголок его губ дернулся вверх, словно он с трудом сдержал улыбку. – Моя мама постоянно говорила это нам с сестрами.

– Значит, твоя мама тоже чудаковатая хиппи.

Я почувствовала болезненный укол в сердце, но продолжила улыбаться. Найдя подходящее место, я снова села на землю.

– Да, она была такой.

– Была, – пробормотал он, нахмурив брови. – Прости.

– Все в порядке. Кое-кто сказал мне, что люди умирают и это случается довольно часто.

– Да, но… – начал он, но так и не договорил.

Наши глаза встретились, и на мгновение мне показалось, что выражение его лица больше не такое холодное, а взгляд полон печали и боли. Это был взгляд, который он прятал от всего мира в этот тяжелый день. Взгляд, который он, вероятно, прятал от самого себя всю свою жизнь.

– Я написал прощальную речь, – прошептал Грэм, садясь на землю рядом со мной. Он согнул колени и засунул руки в рукава рубашки.

– Да?

– Да.

– Не хочешь ею поделиться? – спросила я.

– Нет.

– Ладно.

– Да, – тихо пробормотал он.

– Хорошо.

– Это не совсем то… – начал он, доставая из заднего кармана сложенный листок бумаги.

Я пихнула его локтем в ногу.

– Грэм, ты сидишь на улице, запертый с чудаковатой хиппи, которую ты больше никогда не увидишь. Тебе не о чем волноваться.

– Ладно, – он откашлялся, и я физически ощутила его напряжение. – Я ненавидел своего отца, и несколько ночей назад он умер. Он был самым страшным демоном, самым большим монстром и моим живым кошмаром. И все же с его уходом все вокруг меня как-то замедлилось, и я скучаю по воспоминаниям, которых никогда не существовало.

Вау.

Это была короткая речь, но она так много значила.

– Это все? – спросила я, чувствуя, как по рукам бегут мурашки.

Он кивнул.

– Это все.

– Грэм Крекер? – тихо позвала я, поворачиваясь к нему всем телом и придвигаясь на несколько дюймов.

– Да, Люсиль, – ответил он, тоже поворачиваясь ко мне.

– Каждое твое слово становится моей новой любимой историей.

Когда он приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, дверь распахнулась, разрушив наш зрительный контакт. Обернувшись, я увидела охранника.

– Я его нашел! Эта дверь запирается автоматически. Думаю, он застрял.

– О боже, ну наконец-то! – произнес женский голос. В тот момент, когда она вышла на улицу, я удивленно прищурила глаза.

– Джейн.

– Лирика?

Мы с Грэмом звучали в унисон, глядя на мою старшую сестру, которую я не видела уже много лет. Мою старшую сестру, которая была беременна и широко раскрытыми глазами смотрела на меня.

– Кто такая Джейн? – спросила я.

– Кто такая Лирика? – возразил Грэм.

Ее глаза заблестели от нахлынувших эмоций, и она сложила руки на груди.

– Какого черта ты здесь делаешь, Люси? – спросила она дрожащим голосом.

– Я привезла цветы для церемонии, – ответила я.

– Ты сделал заказ в «Садах Моне»? – на этот раз Лирика обращалась к Грэму.

Я была удивлена, что она знает название моего магазина.

– Я сделал заказ в нескольких магазинах. Какое это имеет значение? Погоди, откуда вы двое знаете друг друга? – спросил Грэм, все еще сбитый с толку.

– Ну, – меня начало трясти, когда я посмотрела на живот Лирики, а затем в ее глаза, которые так напоминали мамины. Ее глаза наполнились слезами, как будто ее поймали на самой грязной лжи, и мои губы раскрылись, чтобы сказать самую чистую правду: – Она моя сестра.

Глава 3

Грэм

– Твоя сестра? – спросил я, повторяя слова Люси и тупо уставившись на свою жену. – С каких пор у тебя появилась сестра?

– И с каких это пор ты замужем и беременна? – воскликнула Люси.

– Это долгая история, – тихо сказала моя жена, положив руку на живот и слегка съежившись. – Грэм, нам пора идти. Мои лодыжки распухли, и я очень устала.

Взгляд Джейн – *или, правильнее сказать, Лирики* – метнулся к Люси, чьи глаза все еще были широко раскрыты от удивления. Их глаза были одного цвета, но на этом сходство заканчивалось. Одна пара шоколадных глаз, как всегда, оставалась ледяной, а другая светилась теплотой и мягкостью.

Я не мог оторвать взгляда от Люси, пытаясь понять, как кто-то вроде нее мог быть связан с кем-то вроде моей жены.

Если бы у Джейн был полный антипод – это была бы Люси.

– Грэм, – рявкнула Джейн, отрывая мой взгляд от женщины с теплыми глазами. Я повернулся к ней, выгнув бровь. Она скрестила руки на животе и громко фыркнула. – Это был долгий день, и нам пора идти.

Она повернулась и пошла прочь, когда Люси вдруг заговорила дрожащим голосом, глядя прямо на сестру:

– Ты держала свою жизнь в секрете от своей семьи. Ты действительно так сильно нас ненавидишь?

Джейн на мгновение застыла, и она резко выпрямилась, но не обернулась.

– Ты не моя семья.

С этими словами она ушла.

Я постоял несколько секунд, не зная, послушаются ли меня мои ноги. Что касается Люси, то ее сердце разбилось прямо у меня на глазах. Она начала разваливаться на части. Волна эмоций захлестнула эти нежные глаза, и она даже не пыталась сдержать слезы, которые катились по ее щекам. Люси позволила чувствам полностью овладеть ею, не сопротивляясь рыданиям и сотрясаясь всем телом. Я практически видел, как она взвалила весь мир на свои плечи и как сильно он давил на нее. Под весом этой боли она вся съежилась и стала еще меньше, чем была прежде. Я никогда не видел, чтобы кто-то так свободно проявлял эмоции, с тех пор как…

Стоп.

Мой разум возвращался в прошлое, к воспоминаниям, которые я похоронил глубоко внутри себя. Наконец я оторвался от нее, закатал рукава и попытался заглушить шум ее боли.

Двинувшись к двери, которую охранник все еще держал открытой, я оглянулся на женщину, которая распадалась на мелкие осколки, и прочистил горло.

– Люсиль, – позвал я, поправляя галстук. – Позволь дать тебе небольшой совет.

– Да? – Она обхватила себя руками, и ее прежняя улыбка исчезла, сменившись тяжелым хмурым взглядом.

– *Чувствуй не так сильно*, – выдохнул я. – Не позволяй другим управлять твоими эмоциями. Выключи их.

– Отключить мои чувства?

Я молча кивнул.

– Я не могу, – возразила Люси, не переставая плакать. Она положила руки на сердце и покачала головой. – В этом вся моя суть. Я девушка, которая чувствует все.

И я знал, что она говорит правду.

Она была девушкой, которая чувствует все, а я был мужчиной, который вообще ничего не чувствует.

– Тогда мир сделает все возможное, чтобы превратить тебя в ничто, – сказал я ей. – Чем больше чувств ты отдаешь другим – тем больше они у тебя забирают. Поверь мне. Возьми себя в руки.

– Но… она моя сестра, и…

– Она не твоя сестра.

– Что?

Я провел ладонью по волосам, прежде чем сунуть руки в карманы.

– Она сказала, что ты не ее семья, а это значит, что ей на тебя плевать.

– Нет, – она покачала головой, зажав в руке кулон в форме сердца. – Ты не понимаешь. Мои отношения с сестрой…

– Не существуют. Когда люди любят кого-то – они как минимум упоминают его имя. Я никогда о тебе не слышал.

Люси молчала, но ее эмоции уже начали отступать, и она вытерла слезы. Девушка закрыла глаза, глубоко вздохнула и тихо заговорила сама с собой:

– Воздух надо мной, земля подо мной, огонь внутри меня, вода вокруг меня, дух наполняет меня.

Она продолжала повторять эти слова, и я прищурил глаза. Сама личность Люси сбивала меня с толку. Она заполняла собой все окружающее пространство: взбалмошная, непредсказуемая, страстная и эмоционально нестабильная. Как будто она полностью осознавала свои недостатки и все же позволяла им существовать. Каким-то образом эти недостатки делали ее целой.

– Тебя это не утомляет? – спросил я. – Чувствовать так много?

– Разве тебе не надоедает совсем ничего не чувствовать?

В этот момент я понял, что столкнулся лицом к лицу со своей полной противоположностью, и понятия не имел, что еще сказать этой странной незнакомке.

– До свидания, Люсиль, – сказал я.

– До свидания, Грэм Крекер, – ответила она.

* * *

– Я не лгала, – поклялась Джейн, когда мы возвращались домой. Я не называл ее лгуньей, не задавал ей никаких вопросов о Люси или о том, почему я не знал о ее существовании до этого вечера. Я ничем не высказал своего недовольства, и все же она продолжала говорить мне, что не лгала.

Джейн.

Лирика?

Я понятия не имел, что за женщина сидит рядом со мной, но действительно ли я знал ее до сегодняшнего откровения?

– Тебя зовут Джейн, – сказал я, вцепившись руками в руль. Она кивнула. – Но при этом ты еще и Лирика?

– Да… – она покачала головой. – Но я поменяла его много лет назад, еще до того, как встретила тебя. Подав документы в колледж, я поняла, что с таким именем никто не будет воспринимать меня всерьез. Какая юридическая фирма наймет человека по имени Лирика Дейзи Палмер?

– Дейзи, – выдохнул я. – Ты никогда не называла своего второго имени.

– Ты никогда не спрашивал.

– Оу.

Она подняла бровь.

– Ты не злишься?

– Нет.

– Вау, – она сделала глубокий вдох. – Ладно. На твоем месте я была бы очень…

– Ты не на моем месте, – отрезал я, не желая разговаривать. Казалось, это был самый долгий день в моей жизни.

Она поерзала на своем сиденье, но ничего не ответила.

Остаток пути до дома мы просидели молча. У меня в голове крутились вопросы, но я не был уверен, что хочу знать ответы. Джейн не рассказывала о своем прошлом, а я о своем. У всех есть тайны, которые не хочется доставать на свет, и я полагал, что с семьей Джейн дела обстоят именно таким образом. Нет никаких причин вникать в детали. Вчера у нее не было сестры, а сегодня есть.

Хотя я сомневался, что Люси заглянет к нам на День благодарения.

Я направился прямиком в спальню и начал расстегивать рубашку. Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы последовать за мной с искаженным от волнения лицом, но тем не менее она не произнесла ни слова. Когда мы оба начали раздеваться, она тихо подошла ко мне и повернулась спиной, молча прося расстегнуть молнию на ее черном платье.

Я сделал, как она просила, и она стянула платье, а затем накинула одну из моих футболок, которые всегда использовала в качестве ночных рубашек. Ее растущий живот растягивал ткань, но я не возражал.

Через несколько минут мы стояли в ванной и чистили зубы, продолжая сохранять молчание. Мы чистили зубы, умывались, мылись. Это была наша обычная рутина: мы привыкли делать все в тишине, и та ночь не стала исключением.

Забравшись в постель, мы оба выключили лампы, стоявшие на наших тумбочках, и даже не пожелали друг другу спокойной ночи.

Закрыв глаза, я постарался отключить свой мозг, но что-то из произошедшего в тот день раскололо мои воспоминания. Поэтому, вместо того чтобы расспрашивать Джейн о ее прошлом, я вылез из постели и отправился в свой кабинет, чтобы заняться своим романом. Мне все еще требовалось около девяноста пяти тысяч слов, поэтому я решил погрузиться в вымысел и на время забыть о реальности. Когда мои пальцы стучали по клавиатуре, мой мозг сосредотачивался лишь на словах. Слова освобождали меня от той неразберихи, которую Джейн свалила на мою голову. Слова освобождали меня от воспоминаний об отце. Слова освобождали меня от слишком глубокого погружения в мой разум, где я хранил всю боль из своего прошлого.

Без писательства в моем мире остались бы лишь потери. Без слов я бы разбился вдребезги.

– Пойдем спать, Грэм, – сказала Джейн, стоя в дверях. Уже второй раз за день она прерывала мою работу, и я надеялся, что это не войдет в привычку.

– Мне нужно закончить главу.

– Ты же до утра не ляжешь.

– Это неважно.

– Их две, – сказала она, скрестив руки на груди. – У меня две сестры.

Я поморщился и снова принялся печатать.

– Давай не будем этого делать, Джейн.

– Ты ее поцеловал?

Мои пальцы замерли, и я повернулся к ней, нахмурив брови.

– Что?

Джейн провела пальцами по волосам, по ее лицу потекли слезы. Она снова заплакала. Слишком много слез за один день, по крайней мере для нее.

– Я спрашиваю, ты ее поцеловал?

– О чем ты говоришь?

– Я задала простой вопрос. Просто ответь на него.

– Мы не будем продолжать этот разговор.

– Ты это сделал, не так ли? – воскликнула она, лишаясь остатков рациональности. Похоже, в тот момент, когда мы выключили свет в спальне, а я отправился в свой офис, моя жена превратилась в запутанный эмоциональный клубок и ее разум полностью захватили бредовые идеи. – Ты поцеловал ее. Ты поцеловал мою сестру!

Я прищурил глаза.

– Не сейчас, Джейн.

– Не сейчас?

– Пожалуйста, давай обойдемся без гормонального срыва. Это был долгий день.

– Просто скажи, ты целовал мою сестру? – повторила она, как заезженная пластинка. – Скажи это. Скажи мне.

– Я даже не знал, что у тебя есть сестра.

– Какая разница, если ты поцеловал ее.

– Иди приляг, Джейн. У тебя давление поднимется.

– Ты мне изменил. Я всегда знала, что это случится. Я всегда знала, что ты мне изменишь.

– У тебя паранойя.

– Просто скажи мне, Грэм.

Не зная, что еще мне сказать, я запустил пальцы в волосы.

– Господи! Да не целовал я ее.

– Целовал! – крикнула она, утирая слезы. – Я знаю, что так и было, потому что я знаю ее. Я знаю свою сестру. Наверняка она знала, что ты мой муж, и решила мне насолить. Она уничтожает все, к чему прикасается.

– Я ее не целовал.

– Она словно… какая-то болезнь, и почему-то никто этого не понимает. Но я-то знаю. Она все портит, как и наша мать. Почему никто не видит, что она делает? Я не могу поверить, что ты поступил так со мной… с нами. Я беременна, Грэм!

– *Я* ее не целовал! – закричал я, чувствуя, как слова обожгли мое горло. Я не хотел ничего знать о прошлом Джейн. Я не просил ее рассказывать о своих сестрах, я не настаивал, я не донимал ее расспросами, и все же мы почему-то ругались из-за женщины, которую я едва знал. – Я понятия не имею, кто твоя сестра, и не желаю ничего о ней знать. Я не знаю, что, черт возьми, с тобой происходит, но прекрати выплескивать это на меня. Я тебе не лгал. Я тебе не изменял. Сегодня я не сделал ничего плохого, так что прекрати на меня нападать.

– Не притворяйся, будто тебя волнует сегодняшний день, – прошептала она, повернувшись ко мне спиной. – Тебе плевать на своего отца.

В моей голове пронеслось воспоминание.

И все же с его уходом все вокруг меня как-то замедлилось, и я скучаю по воспоминаниям, которых никогда не существовало.

– Лучше бы тебе прекратить этот разговор, – предупредил я, но она не послушала.

– Это правда, ты и сам знаешь. Он ничего для тебя не значил. Он был хорошим человеком и ничего для тебя не значил.

Я промолчал.

– Почему ты не спрашиваешь о моих сестрах? – вдруг воскликнула Джейн. – Разве тебе все равно?

– У всех есть прошлое, о котором не хочется говорить.

– Я не лгала, – снова сказала она, хотя я ни разу не назвал ее лгуньей. Она словно пыталась убедить саму себя, хотя прекрасно знала, что это так. Дело в том, что мне правда было все равно. За годы общения с людьми я понял, что все они лгут, и научился никому не доверять. Ни единой душе.

Как только человек подрывал доверие, как только ложь всплывала на поверхность – все, что он когда-либо говорил, будь то правда или ложь, было запятнано предательством.

– Ладно. Покончим с этим раз и навсегда. Я просто расскажу все прямо сейчас. У меня есть две сестры, Мари и Люси.

Я съежился.

– Пожалуйста, прекрати.

– Мы не общаемся. Я самая старшая, а Люси – самая младшая. Она эмоционально нестабильна, – это было ироничное заявление, учитывая, что в данный момент Джейн находилась на грани нервного срыва. – И она точная копия моей матери, которая умерла много лет назад. Отец бросил нас, когда мне было девять, и я его не виню, потому что моя мать была сумасшедшей.

Я хлопнул ладонями по столу и повернулся к ней.

– Чего ты хочешь от меня, Джейн? Ты хочешь, чтобы я сказал, что злюсь на тебя за обман? Ладно, я злюсь. Ты хочешь, чтобы я тебя понял? Прекрасно, я понимаю. Ты хочешь, чтобы я сказал, что ты была права, когда бросила своих сестер? Отлично, ты правильно сделала, что бросила их. Теперь я могу вернуться к работе?

– Расскажи мне о себе, Грэм. Расскажи мне о своем прошлом. Все, о чем ты никогда не рассказывал.

– Оставь это, Джейн.

Я так умело сдерживал свои чувства. Я почти никогда не поддавался эмоциям, но она давила на меня, испытывая мое терпение. Я хотел, чтобы она остановилась, потому что в темных уголках моей души скрывалась вовсе не печаль или горе.

Это был гнев.

И чем больше она давила – тем сильнее он рвался наружу.

Она заставляла меня превратиться в монстра.

– Ну же, Грэм. Расскажи мне о своем детстве. Где твоя мать? Она же у тебя была? Что с ней произошло?

– Прекрати, – сказал я, крепко зажмурившись и сжав кулаки, но она не прекращала.

– Она недостаточно тебя любила? Она изменяла твоему отцу? Может, она умерла?

Я вышел из комнаты, потому что почувствовал, как гнев поднимается на поверхность. Я чувствовал, что он становится слишком большим, слишком сильным, слишком обжигающим. Я пытался убежать от Джейн, но она неотрывно следовала за мной.

– Ладно, ты не хочешь говорить о своей маме. Как насчет того, чтобы поговорить о твоем отце? Скажи мне, почему ты так презираешь своего отца? Что он сделал? Тебя обижало, что он постоянно был занят работой?

– Поверь, ты не хочешь об этом говорить, – снова предупредил я, но она уже слишком далеко зашла. Ей хотелось продолжать эту гадкую игру, но она играла не с тем человеком.

– Он забрал твою любимую игрушку? Он не позволял тебе заводить домашних животных в детстве? Он забыл про твой день рождения?

Мои глаза потемнели, и она заметила это, когда наши взгляды встретились.

– О, – прошептала она. – Он пропустил много дней рождения.

– *Я поцеловал ее*! – наконец сорвался я, поворачиваясь к Джейн, которая замерла с открытым ртом. – Этого ты хочешь? Хочешь, чтобы я тебе солгал? – прошипел я. – Клянусь, ты ведешь себя как идиотка.

Она подняла обе руки и толкнула меня.

Сильно.

С каждым ударом на поверхность всплывали новые эмоции. Каждый раз, когда ее руки с тяжестью опускались на мою грудь, у меня внутри все сжималось.

На этот раз я ощутил сожаление.

– Прости, – выдохнул я. – Мне очень жаль.

– Ты не целовал ее? – спросила Джейн дрожащим голосом.

– Конечно, нет.

– Это был долгий день и… ой, – прошептала она, согнувшись от боли. – Ой!

– В чем дело? – Когда наши взгляды встретились, у меня сдавило грудь. Ее руки сжимали живот, а дрожащие ноги блестели от влаги. – Джейн? – прошептал я, нервничая и смущаясь. – Что это было?

– Кажется, у меня отошли воды.

Глава 4

Грэм

– Слишком рано, слишком рано, слишком рано, – шептала Джейн, пока я вез ее в больницу. Ее руки лежали на животе, а схватки не прекращались.

– С тобой все будет в порядке, все будет хорошо, – заверил ее я, но внутри меня все холодело от ужаса. *Слишком рано, слишком рано, слишком рано…*

Как только мы добрались до больницы, нас провели в палату, где нас окружили медсестры и врачи. Они задавали сотни вопросов, пытаясь понять, что произошло. Всякий раз, когда я задавал вопрос, они улыбались и говорили, что мне придется подождать, чтобы поговорить с лечащим неонатологом. Время тянулось медленно, и каждая минута казалась часом. Я знал, что время родов еще не пришло: ребенку была всего тридцать одна неделя. Когда неонатолог наконец добрался до нашей палаты, он с легкой улыбкой на лице придвинул стул к кровати Джейн и достал ее медицинскую карту.

– Всем привет, я доктор Лоуренс, и я скоро вам надоем. – Он пролистал карту и провел рукой по бородатому подбородку. – Джейн, судя по всему, ваш ребенок устроил настоящую драку. Поскольку вы все еще находитесь на ранней стадии беременности, мы обеспокоены тем, насколько безопасно пройдут роды, особенно учитывая, что до вашего срока остается еще целых двенадцать недель.

– Девять, – поправил я. – Осталось всего девять недель.

Густые брови доктора Лоуренса опустились к переносице, и он принялся листать бумаги.

– Нет, определенно двенадцать, и это чревато довольно сложными проблемами. Вероятно, вы уже обсуждали эти вопросы с медсестрами, но нам важно знать, что происходит с вами и вашим ребенком. Итак, вы переживали сильный стресс в последнее время?

– Я юрист, так что стресс – неотъемлемая часть моей жизни, – ответила Джейн.

– Какой-нибудь алкоголь или наркотики?

– Нет и нет.

– Вы курите?

Она заколебалась, и я приподнял бровь.

– Ну же, Джейн. Серьезно?

– Всего несколько раз в неделю, – воскликнула она, ошеломив меня этим заявлением. В поисках поддержки Джейн повернулась к доктору. – Из-за работы я постоянно нахожусь в состоянии стресса. Узнав о беременности, я попыталась бросить курить, но в итоге только уменьшила количество сигарет в день: всего несколько штук вместо половины пачки.

– Ты же сказала, что бросила, – процедил я сквозь зубы.

– Я пыталась.

– Это не то же самое, что бросить курить!

– Не смей на меня орать! – взревела она, дрожа всем телом. – Я совершила ошибку, мне очень больно, и твои крики мне не помогут. Господи, Грэм, иногда мне хочется, чтобы ты был таким же добрым, как твой отец.

Ее слова задели меня за живое, но, собравшись с силами, я постарался не реагировать. Доктор Лоуренс поморщился, но тут же снова натянул свою легкую полуулыбку.

– Ладно. Курение может привести к множеству различных осложнений, когда дело касается родов, и хотя выяснить точную причину невозможно – хорошо, что у нас есть эта информация. Мы дадим вам токолитические препараты, чтобы попытаться остановить преждевремен-

ные роды. Малышке нужно еще немного вырасти, так что нам придется сделать все возможное, чтобы удержать ее внутри еще на какое-то время. Вы останетесь здесь под присмотром врачей на следующие сорок восемь часов.

– Сорок восемь часов? Но мне нужно работать…

– Я выпишу вам справку, – доктор Лоуренс подмигнул и поднялся с места. – Медсестры вернутся через секунду. Они проведут осмотр и дадут вам лекарство.

Как только он вышел за дверь, я быстро встал и последовал за ним.

– Доктор Лоуренс.

Он повернулся ко мне и остановился.

– Да?

Я скрестил руки на груди и прищурился.

– Мы поссорились как раз перед тем, как у нее отошли воды. Я закричал и… – я сделал паузу и провел рукой по волосам, прежде чем снова скрестить руки на груди. – Я просто хотел узнать, может… это произошло из-за меня?

Доктор Лоуренс улыбнулся краешком губ и покачал головой.

– Такое случается. Мы все равно не сможем узнать причину, так что вам незачем винить себя. Все, что мы можем сделать сейчас, – это жить настоящим моментом и делать все возможное для безопасности вашей жены и ребенка.

Я кивнул и поблагодарил его. Мне хотелось верить его словам, но в глубине души я все равно чувствовал, что это моя вина.

* * *

Через сорок восемь часов, когда у ребенка упало давление, врачи сообщили нам, что у них нет другого выбора, кроме как провести кесарево сечение. Все было как в тумане, и мое сердце словно перестало биться. Я стоял в операционной, не зная, что чувствовать, когда ребенок наконец появится на свет.

Когда врачи закончили операцию и перерезали пуповину, все столпились вокруг ребенка, крича и переругиваясь между собой.

Она не плакала.

Почему она не плачет?

– Два фунта три унции, – объявила медсестра.

– Нам понадобится СИПАП, – сказал один из врачей.

– СИПАП? – спросил я, когда они торопливо прошли мимо меня.

– Режим искусственной вентиляции легких постоянным положительным давлением, чтобы помочь ей дышать.

– Она не дышит?

– Да, она очень слаба. Мы собираемся перевести ее в отделение интенсивной терапии, и кто-нибудь сообщит вам, как только она стабилизируется.

Прежде чем я успел спросить что-нибудь еще, они уже унесли ребенка.

Несколько человек остались, чтобы позаботиться о Джейн, и как только ее перевели в больничную палату, она провалилась в сон на несколько часов. Когда она наконец проснулась, доктор сообщил нам о здоровье нашей дочери. Он сказал, что ей тяжело дышать и что они делают все возможное, но жизнь ребенка все еще находится под угрозой.

– Если с ней что-нибудь случится, знай, что это твоя вина, – сказала мне Джейн, когда доктор вышел из комнаты. Она отвернулась от меня и посмотрела в окно. – Если она умрет – это будет не моя вина, а твоя.

* * *

Я понимаю, о чем вы говорите, Мистер Уайт, но… – Джейн стояла в отделении интенсивной терапии спиной ко мне и говорила по мобильному телефону. – Я знаю, сэр, я все прекрасно понимаю. Просто мой ребенок попал в отделение интенсивной терапии, и… – она замолчала, переступила с ноги на ногу и кивнула. – Хорошо. Я понимаю. Спасибо, мистер Уайт.

Она положила трубку и покачала головой, вытирая глаза, прежде чем снова повернуться ко мне.

– Все в порядке? – спросил я.

– Просто рабочие дела.

Я коротко кивнул.

Мы стояли неподвижно, глядя на нашу дочь. Каждый вдох давался малышке с трудом.

– Я не могу, – прошептала Джейн, ее тело начало трястись. – Я не могу просто сидеть здесь и ничего не делать. Я чувствую себя такой бесполезной.

Прошлой ночью мы думали, что потеряли нашу маленькую девочку, и в тот момент я почувствовал, как все внутри меня начинает разваливаться на кусочки. Джейн тоже плохо справлялась с происходящим и так и не сомкнула глаз.

– Все в порядке, – сказал я, хотя и сам в это не верил.

Она покачала головой.

– Я на это не подписывалась. Я никогда не хотела детей. Я просто хотела стать адвокатом. У меня было все, чего я желала, а теперь… – Джейн продолжала ерзать. – Она умрет, Грэм, – прошептала моя жена, скрестив руки на груди. – У нее слишком слабое сердце. У нее не развиты легкие. Она даже не живет, а лишь существует, да и то благодаря всей этой дряни, – она махнула рукой на машины, подсоединенные к крошечному телу нашей дочери. – И мы просто должны сидеть здесь и смотреть, как она умирает?! Это жестоко.

Я ничего не ответил.

– Я не выдерживаю. Прошло почти два месяца, Грэм. Разве ей не должно было стать лучше?

Ее слова раздражали меня, а ее уверенность в том, что наша дочь уже не жилец, вызывала у меня отвращение.

– Может, тебе пойти домой и принять душ? – предложил я. – Тебе нужно сделать перерыв. Сходи на работу, это поможет тебе немного отвлечься.

Джейн переступила с ноги на ногу и поморщилась.

– Да, ты прав. Мне нужно многое наверстать на работе. Я вернусь через несколько часов, хорошо? Потом мы поменяемся местами, и ты сможешь сделать перерыв, чтобы принять душ.

Я молча кивнул.

Она подошла к нашей дочери и посмотрела на нее сверху вниз.

– Я еще никому не говорила, как ее зовут. Это глупо, правда? Говорить людям ее имя – она ведь все равно умрет.

– Не говори так, – огрызнулся я. – Надежда еще есть.

– Надежда? – Джейн с удивлением посмотрела на меня. – С каких пор ты веришь в лучшее?

У меня не было ответа, потому что она говорила правду. Я не верил ни в знамения, ни в надежду, ни во что-либо подобное. Я не знал имени Бога до того дня, когда родилась моя дочь, и чувствовал неловкость от одной мысли, чтобы вознести ему хотя бы одну молитву.

Я был реалистом.

Я верил только в то, что мог увидеть своими глазами, но все же при взгляде на эту малышку какая-то часть меня жалела, что я не умею молиться.

Это была эгоистичная потребность, но мне нужно было, чтобы моя дочь поправилась. Мне нужно было, чтобы она выжила, потому что я не был уверен, что переживу ее потерю. В тот момент, когда она родилась, у меня в груди что-то встрепенулось. Мое сердце словно проснулось после долгих лет сна, и в этот момент я не почувствовал ничего, кроме боли. Боли от осознания того, что моя дочь может умереть. От того, что она не знает, сколько дней, часов или минут ей осталось. Она должна была выжить, чтобы моя душа перестала болеть.

Жизнь становится куда легче, когда перестаешь испытывать какие-либо чувства.

Как ей это удалось? Как ей удалось вернуть мне все эмоции с самой первой секунды, как она появилась на свет?

Я даже не произнес ее имени…

Почему мы такие чудовища?

– Просто уходи, Джейн, – холодно сказал я. – Я останусь здесь.

Она ушла, не сказав больше ни слова, а я сел на стул рядом с нашей дочерью, чье имя я не решался произнести вслух.

Я прождал несколько часов, прежде чем позвонить Джейн. Временами она так погружалась в работу, что забывала выйти из кабинета: совсем как я, когда погружался в свои романы.

Она не брала трубку. Я звонил снова и снова в течение следующих пяти часов – и все без толку. В итоге мне пришлось позвонить на стойку регистрации ее офиса. На звонок ответила Хизер – секретарша Джейн.

– Здравствуйте, мистер Рассел. Мне очень жаль, но… ее уволили сегодня утром. Она так много пропустила, и мистер Уайт ее отпустил… Я думала, вы знаете, – она понизила голос. – У вас все в порядке? Вашему ребенку стало лучше?

Я прервал звонок.

Растерянный.

Злой.

Уставший.

Я снова набрал номер Джейн, но меня сразу же перебросило на голосовую почту.

– Вам нужен перерыв? – спросила меня одна из медсестер, пришедшая проверить трубку для кормления моей дочери. – У вас усталый вид. Можете пойти домой и немного отдохнуть. Мы позвоним, если…

– Я в порядке, – сказал я, прерывая ее.

Медсестра снова начала говорить, но мой строгий взгляд заставил ее сжать губы. Она закончила свою проверку и вышла из комнаты, коротко улыбнувшись напоследок.

Я сидел рядом с дочерью, слушая гудки работающих аппаратов, и ждал, когда вернется моя жена. По прошествии нескольких часов я все-таки сходил домой, чтобы принять душ и взять ноутбук с собой в больницу.

Я быстро встал под струю воды, позволив ей обжечь кожу. Затем я оделся и поспешил в свой кабинет, чтобы захватить компьютер и некоторые документы. И тут я заметил небольшой листок бумаги, лежащий на клавиатуре.

Грэм.

На этом месте мне стоило прекратить читать. Я знал, что меня не ждет ничего хорошего. Я знал, что в неожиданных письмах, написанных черными чернилами, не бывает хороших новостей.

Я не могу. Я не могу остаться и смотреть, как она умирает. Сегодня я потеряла работу, ради которой прикладывала столько усилий, и чувствую, что вместе с этим поте-

ряла часть своего сердца. Я не могу сидеть и смотреть, как другая часть меня тоже исчезает. Это слишком тяжело. Прости.

– Джейн

Я уставился на листок и перечитал ее слова несколько раз, прежде чем сложить листок и положить его в задний карман.

Ее слова отзывались в моей душе, но я изо всех сил старался не реагировать.

Глава 5

Люси

– Я полностью отключился, – сказал незнакомец дрожащим голосом. – Мы оба были заняты экзаменами, и я просто пытаюсь держать голову над водой. Я совершенно забыл о нашей годовщине. Она купила для меня подарок и нарядилась для нашего свидания в ресторане, а я даже не забронировал столик.

Я улыбнулась парню и кивнула, слушая долгое и запутанное объяснение того, почему его девушка на него обижена.

– К тому же я пропустил ее день рождения, потому что на прошлой неделе меня выгнали из медицинского колледжа. Я был в таком подавленном состоянии, но блин… Извини, я только хотел купить вот эти цветы.

– Это все? – спросила я, перевязывая дюжину красных роз, которые парень выбрал в надежде получить прощение за то, что забыл единственные два события, о которых ему действительно следовало бы помнить.

– Да, как вы думаете, этого достаточно? – нервно спросил он. – Я все испортил и даже не знаю, с чего начать извинения.

– Цветы – хорошее начало, – сказала я. – И слова тоже помогают. Но я думаю, что действия все-таки имеют большее значение.

Он поблагодарил меня и покинул магазин.

– Готова поспорить, что они протянут еще неделю, а потом все равно разойдутся, – с усмешкой сказала Мари, подрезая тюльпаны.

– Мисс Оптимистка, – засмеялась я. – Он пытается все исправить.

– У него серьезные проблемы в отношениях, а он просит совета у незнакомки. Думаю, он обречен на провал, – ответила она, качая головой. – Я просто не понимаю. Почему парни извиняются *после*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.